

АЛЕКС ОРЛОВ

РУССКИЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

БРОНЕБОЙЩИК

Алекс Орлов
Бронебойщик
Серия «Бронебойщик», книга 1

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=595535
Бронебойщик: Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-47331-1

Аннотация

Джеку семнадцать лет, и он живет с матерью на хуторе в депрессивном районе. Их жизнь проста и однообразна. Никакой работы в округе нет, спасает только то, что местность, в которой они живут, некогда была местом большой атомной войны и теперь все немногочисленное население пустошей занимается добычей и перепродажей двухсотлетних военных трофеев. Никаких перспектив для молодого человека здесь нет, и Джек, как и множество других местных мальчишек, мечтает только об одном – завербоваться в одну из корпоративных армий, воюющих за недра богатых ископаемыми планет.

Содержание

1	5
2	9
3	15
4	23
5	28
6	33
7	39
8	44
9	48
10	53
11	61
12	67
13	75
14	79
15	85
16	91
17	98
18	104
19	107
20	111
21	116
22	124
23	128

24	133
25	137
26	140
27	145
28	148
Конец ознакомительного фрагмента.	149

Алекс Орлов

Бронебойщик

1

Ферлин и Джек вышли в дорогу затемно, когда солнце еще и не собиралось выглядывать из-за горизонта. Из продуктовых запасов у них был круг козьего сыра, несколько вареных картофелин и самодельный фильтр для воды. Немного, но путешествовать долго они не планировали.

До рассвета им предстояло пройти пустошь, к полудню добраться до глинистых холмов. Потом оставалось лишь перебраться на пустошь за холмами и по заросшим лесом дюнам выбраться к болотам.

Именно там, по словам Ферлина, была самая лучшая охота, и Джек ему верил, ведь Ферлин исходил все дальние пустоши и проточные болота. К тому же он был бывшим солдатом, имевшим ранения, что в глазах юного Джека только добавляло очков его компаньону.

Ну и потом, у Ферлина с собой было ружье, а какая же охота без оружия?

Вскоре после рассвета воздух начал быстро нагреваться, и к тому времени, когда путники добрались до холмов, пришлось сделать привал у подножия скалы, имевшей собствен-

ное имя – Тюльпан.

Она была очень высока, и на ее вершине любили сидеть и наблюдать за окрестностями каменные орлы, собиравшие на пустошах обильную жатву из ящериц, крыс и тритонов. Остатки их трапез в изобилии валялись вокруг – мелкие косточки, кусочки кожи, перепонки и даже несколько засохших, почти нетронутых ящериц.

Вся живность на пустошах была ядовита, причем настолько, что даже привычные к ней каменные орлы иногда отказывались от еды, если чувствовали, что в их организме слишком много яда.

В полдень тень от Тюльпана была коротка, но для двух путников ее хватало с избытком.

Джек сел на камень, снял сапоги и размотал портянки, чтобы просушились, а Ферлин прислонил ружье к скале, поставил рядом монтерскую сумку и с флягой в руках поднялся на холм метров на сорок, к скоплению скальных обломков. Там, на выжженном склоне, пробивалась зеленая травка, сбегавшая дорожкой к основанию холма, а под ней, скрываясь от солнца, спешил под гору небольшой ручей.

Напившись из ключа возле самых камней, Ферлин набрал полную флягу и спустился к Джеку.

– На, пей, – сказал он, отдавая флягу и садясь на камни, чтобы тоже просушить портянки.

– Жарко сегодня будет, – сказал Джек, делая глоток и возвращая фляжку.

– Жарко, – согласился Ферлин. – Но тут, за холмами, нас ждет прохладный ветерок до самых болот. Так что не запазимся.

– Ты патронов с собой много взял? – спросил Джек, поглядывая на замотанное в ветошь ружье.

– Пять штук, но и этого много. Я рассчитываю сделать только один выстрел – больше не понадобится.

Джек пожал плечами. Ферлину, конечно, виднее, ему много приходилось стрелять, а Джеку всего два раза. Один раз из пистолета Санифа, его бывшего школьного друга, а второй раз в прошлом году, когда ему дал стрельнуть из ружья Ферлин.

У Санифа они стреляли в кусок керамической плитки и оба раза не попали, зато Ферлин повел его на деревенскую пустошь, где из песка торчали ржавые остовы боевых машин. Все, что с них можно было снять, давно сняли, и над пустошью вздымались только голые корпуса, чем-то похожие на черепа ископаемых животных.

Когда была школа, Джек ходил в нее мимо деревни, где множество домов были сделаны из таких же стальных коробов, но еще больше стальных остовов было неподалеку на пустоши. Именно там Джек и пробовал стрелять из ружья.

На корпусе какого-то перевернутого бронетранспортера Ферлин нарисовал ракушкой круг размером с большой мяч, а потом они отошли метров на четыреста, Ферлин зарядил для Джека ружье, подставил для упора рогатину, и тот вы-

стрелил.

В очерченный круг он, конечно, не попал, напутал что-то в шкале прицела, но пробоина в стальном корпусе получилась красивая – круглая и аккуратная.

«Вот, приятель, что делает хорошее ружье с пятисантиметровой сталью», – сказал тогда Ферлин, и Джек это запомнил.

Отдохнув под скалой, путники поднялись на глинистый холм, с его высоты стали видны затопленные территории восточных песчаных пустошей.

Спуск к дюнам оказался не таким трудным, как ожидал Джек. Северный склон холма был более пологим, и на нем в изобилии рос кустарник, который на заселенных пустошах использовали в качестве топлива. А еще были небольшие искривленные деревца, стелившиеся почти над самой землей.

– Почему они такие кривые? – не удержался от вопроса Джек, ему казалось, что Ферлин все знает.

– Сюда попадает мало воды, только та, что приходит ночью с туманом. А дерево любит воду. Вон на дюнах сколько зелени, видишь?

– Да, – ответил Джек, глядя из-под ладони на извивающиеся по белому песку зеленые дорожки.

– Там вода близко, поэтому они растут высокими и прямыми.

– А почему на наших пустошах не растут деревья? Вон сколько у нас песка затопленного, а ничего не растет.

– Ну почему ничего? Трава и водоросли. А это немало, ими вся местная живность питается.

Придержавшись за куст, Ферлин перешагнул через каменную горку и продолжил спуск, умело используя на склоне

каждый выступ.

Вскоре они добрались до песчаного плато и стали подниматься на цепочку дюн, по вершинам которых рос молодой лес, какого Джек никогда не видел.

На окраине пустоши, где он жил, вдоль пустынных холмов было несколько рощиц, но они подвергались постоянным набегам местного населения, охотившегося за топливом для своих очагов. И хотя крупные деревья никто не рубил, весь подраставший кустарник вырубался начисто, а траву подъедали крысы. В результате почва вокруг деревьев напоминала старый бетон.

Здесь же все было по-другому и меж древесных стволов набирали силу и кустарник, и высокие травы. По земле сновало множество насекомых, а на ветках попадались летучие ящерицы.

По краям этой зеленой реки жизни тянулись дорожки из цветущих растений, тех, которым требовалось больше солнца.

– Как тут красиво, Ферлин, почему никто сюда не переезжает? Почему мы живем на такой некрасивой пустоши, если за холмами так хорошо? – спросил Джек, вертя головой и подмечая все новых, невиданных прежде животных и растения.

– Два раза в год здесь поднимается вода, оставляя сухими только вершины дюн. Поэтому сверху что-то растет, а ниже лишь песок, как на обычной пустоши.

– А почему здесь так много следов? – спросил Джек, замечая тропинки, которые то сходились в узких местах, то разбегались там, где дюна была шире, а леса на ней больше.

– Сюда многие ходят. Охотники на сапиг, сборщики ягод...

– Ягод? Они же все ядовитые?

– Необязательно собирать их для еды. Из ягод делают краски, чернила и даже лекарства. Рокшу, например, принимают в Нуре в аптеке Цукера по четыре лиры за большое ведро.

– А дрова никто не берет...

– Тащить их через холмы желающих не находится, – усмехнулся Ферлин.

– Да. Хорошо, что есть холмы, а то бы и от этого леса ничего не осталось, – сказал Джек и вздохнул.

– Если бы не холмы, все дрова вывезли бы в Нур на машинах.

– А почему ты себе машину не купишь?

– На какие шиши? – полуобернувшись, спросил Ферлин.

– Но ты же бывший солдат, Ферлин. У тебя ранения были...

– И что?

– А то. Хэнка из деревни знаешь?

– Знаю.

– У него племянник солдатом был и ранения имеет. Так он на пенсию такой дом в Нуре отгрохал, что только держись.

И никакого железа, только из кирпича. И автомобиль купил настоящий, на бензине работает. Правда, говорят, неновый. Но все равно хорошо.

– А в деревне думают, что раз солдатом был, значит, денег куча? – спросил Ферлин и поправил на плече ружье.

– А разве нет? У нас на пустоши все парни в вербовочной конторе перебивали, только никого не берут...

– Дураки, – обронил Ферлин и покачал головой.

– Почему?

– Да потому, что не все солдаты возвращаются с деньгами.

– Как это?

– Очень просто. Если довоевал до конца контракта, то да, пенсия будет хорошая. Думаю, этот племянник Хэнка получает лир триста...

– Ого!

– Не так уж и много, был бы унтер-офицером, получал было вдвое больше. Но дело не в этом. Если ты не дослужил свой срок и тебя уволили по ранению, то получаешь самый минимум – шестьдесят лир и точка.

– Шестьдесят лир? – переспросил Джек и вздохнул. Если бы у них с матерью были такие деньги, он был бы счастлив. А так Джек, как и все его сверстники, мечтал только о возможности завербоваться в армию, в здешних местах работы не стало никакой, в особенности с тех пор, как иссякли все источники минатурита – ценного металла, которого было много во всей этой брошенной технике.

Особенно в самолетных обломках.

Весь район, от Северного моря и до Измарских гор на юге, был завален этими обломками, что привлекало сюда людей со всего материка.

Они приезжали по одному и целыми семьями, строили дома из тех же обломков и принимались за поиски минатурита. Эта лихорадка длилась около десяти лет, потом все собрали, деревни исчезли и постепенно утонули в мокром песке пустошей, а население Нура сократилось вдвое.

– А сколько нужно на автомобиль? – спросил Джек, когда они молча прошагали еще полчаса.

– Ну, на самый простой и неновый четыреста лир...

– Четыреста – это много.

– Немало. А ты думал, почему я в железном сарае живу, а не в доме из кирпича? Видимо, в деревне меня тоже не понимают.

– Говорят, жадный, – подтвердил Джек и улыбнулся.

– Жадный, – усмехнулся Ферлин и остановился на повороте цепочки дюн.

– Вон там, у горизонта, темное марево, видишь?

– Вижу, – после некоторой паузы ответил Джек.

– Это и есть Ривенские болота.

– Вроде недалеко...

– Напрямик недалеко, – согласился Ферлин, поправляя ружейный ремень. – Только мы вон какого кругаля даем!

И он отмахнул рукой, показывая размеры этого «круга-

ля».

– А прямо нельзя?

– Можно, только потонешь. Там везде много воды и дно кое-где зыбучее...

– На зыбучем дне сапиги водятся, – заметил Джек и почувствовал, что проголодался.

– Водятся. Как обратно пойдем, я тебя немножко поучу, как сапиг ловить.

– Я умею.

– Да ну! – пренебрежительно отмахнулся Ферлин. – Как все, на хворостинку?

– А как еще?

– На хворостинку сапигу больше чем в кило не поймает.

– А ты поймает больше? – усмехнулся Джек, считавший себя достаточно опытным и удачливым ловцом.

– Пять кило, не меньше. Но это потом, после охоты. А сейчас давай двигаться, нам к положенному часу прибыть нужно, и никак не позже.

Через три часа ходу по заросшим лесом дюнам Ферлин сделал привал, и они поели козьего сыра с отварным речным картофелем, который назывался так только из-за внешнего сходства с настоящим картофелем, а на самом деле был плодом коричневых пресноводных водорослей, в изобилии водившихся в водоемах песчаных пустошей.

Клубни водорослей были ядовиты, чтобы употреблять их в пищу, приходилось подолгу вымачивать в подсоленной воде, сменяя ее три раза, пока она не переставала окрашиваться в фиолетовый цвет.

После этого клубни варили, тогда по вкусу они действительно напоминали вареный картофель.

– Ну что, ты не слишком устал? – спросил Ферлин, когда они, попив воды, подремали в тени несколько минут.

– Нет, я в порядке, – заверил его Джек.

– Точно?

– Точно. Я же много хожу, в особенности за хворостом.

– Куда, на плато?

– Нет, – покачал головой Джек. – Там деревенские все выбрали. Я хожу в другую сторону, аж до сухого русла. Там этого кустарника – пропасть.

– Так он там зеленый...

– Зеленый. Я зеленый и таскаю, а сушу уже дома. Через

неделю он готов для растопки.

– Хитрый ты, – улыбнулся Ферлин.

– Смышленный, – поправил его Джек.

– Ну пойдем, сммышленный, нам еще топать и топать.

Они снова вышли на тропу, и Джек опять стал вертеть головой, глаза на невиданных прежде стрекоз и бабочек.

На его пустоши таких насекомых никогда не водилось, а здесь на цветах они попадались удивительнейших видов и расцветок.

Примерно через полчаса быстрого марша шедший первым Ферлин вдруг будто споткнулся, а затем ухватился за ствол небольшого деревца и стал по нему сползать.

– Эй, Ферлин! Эй! – испугался Джек, видя закатившиеся глаза компаньона. Но обморок Ферлина продлился всего пару мгновений. Его глаза открылись и вполне осмысленно посмотрели на Джека.

– Надолго я отключался? – спросил Ферлин.

– Нет, совсем ненадолго... Ты упал, и я подумал...

– Теперь все в порядке, присядь.

Джек помог Ферлину снять ружье и монтерскую сумку, потом опустился рядом с компаньоном, который быстро приходил в себя.

– Это из-за ранений? – спросил Джек, видя, что на лице бывшего солдата проступил пот.

– Да, приятель, из-за них. Из-за железа, которое еще осталось в теле...

– Я слышал, что осколки могут двигаться.

– Могут... – выдохнул Ферлин.

– Наверное, нам придется заночевать здесь, чтобы ты оклемался, а завтра пойдем домой.

– Ни хрена, приятель! Десять минут, и мы двинем дальше. Это не первый приступ, случались и раньше, так что ничего страшного.

– Ты же говорил, что лежал в госпитале, почему тебя там не вылечили?

– Я... – Ферлин устало улыбнулся. – Я сбежал оттуда не долечившись, а провел там целых восемь месяцев.

– Восемь месяцев?! – поразился Джек. – А почему так много?

– Потому что крепко нафаршировали. Сначала вытаскивали шрапнель, операция за операцией. Потом принялись за осколки. Когда стало совсем невмоготу, я сбежал... А тот осколок, который меня мучит, вытаскивать и не собирались. Врач сказал – слишком опасно. Вот и ношу его с собой.

– Хочешь еще сыру? Я когда жую, у меня любая боль проходит.

– Ну давай, – усмехнулся Ферлин. – Только совсем маленький кусочек.

Но не успел Джек развязать мешок, чтобы достать сыр, как вдруг послышался отдаленный гул. Джеку этот звук был незнаком, но Ферлин тотчас выпрямился, а затем вскочил на ноги.

– Дискорама, Джек! Они нас могут заметить, нужно прятаться!

Схватив компаньона за рукав, он потащил его к краю дюны, где рос невысокий, но очень густой кустарник.

Между тем гул быстро нарастал, и вскоре краем глаза Джек увидел темное пятно, которое с перепугу показалось ему размером в полнеба. Ферлин толкнул Джека, тот свалился в кустарник, и в тот же момент по дюнам ударила воздушная струя от низко пролетавшей машины.

Песок хлестнул по листьям, и Джек зажмурился, а когда открыл глаза, увидел, что Ферлин, привстав, смотрит поверх кустов на уходящую дискораму.

– Что это, Ферлин?

– Тарелка корпорации «Крафт»...

– А что это такое? Это роботы?

– Может, и роботы.

Начавший было стихать гул стал снова усиливаться.

– Они возвращаются, – сообщил Ферлин и упал рядом с Джеком.

– И что теперь будет? Они нас заметили, да?!

– Не паникуй, пока еще ничего не известно, к тому же им нечего нам предъявить, а ружье я и спрятать могу.

Дискорама не долетела до дюны метров пятьдесят и стала садиться на мокрый песок пустоши. Снова застучали по листьям песчинки, Джек опять зажмурился и закрыл голову руками, но когда шум двигателей стих, решился посмотреть,

кто там прилетел.

– Голову не высовывай, смотри через ветки, – строго приказал Ферлин.

– Ага, – ответил Джек, глядя, как от раскрывшихся створок разворачиваются мостки.

– Ишь ты, с аппаратами. Значит, технику спускать будут.

– Какую?

– Сейчас увидим.

И действительно, вскоре на песок скатились два небольших гусеничных вездехода, в которых на открытых площадках сидели по два солдата. Один был рулевым, а другой стоял за пулеметом.

– Ого, – произнес Джек и невольно присел.

Вслед за вездеходами вышли два десятка пехотинцев в черной матовой форме с опущенными забралами шлемов.

Вездеходы тотчас разбежались, один поехал вдоль дюны в сторону болот, а другой к холмам, откуда пришли Джек и Ферлин.

Солдаты разбились на группы и направились к дюнам, а один, должно быть, офицер, стал подавать знаки кому-то, кто еще не вышел из дискорама.

Наконец этот кто-то появился, это оказалась тройка шагающих роботов-разведчиков.

Они были такими же черными, как форма и амуниция солдат, и очень ловко передвигались по грунту.

– По дюнам они не пройдут, завязнут, – негромко сказал

Ферлин.

– Почему? – прошептал Джек, распластавшись на песке, насколько это было возможно.

– Потому что опоры узкие. Для песка обычно опоры перемонтируют на более широкие.

– Ферлин, мне кажется, они идут прямо сюда! – заскулил Джек, видя, как решительно тройка роботов движется в их направлении.

– Нет... Сейчас свернут.

– А если не свернут?

Джеку казалось, что эти дергающиеся при ходьбе машины, больше похожие на чудовищных монстров из мультиков, обнаружат их с Ферлином и, возможно, растерзают этими страшными крюками, которые были у них на верхних лапах. Но неожиданно роботы сделали одновременный поворот и пошли в сторону холмов.

– Откуда ты знал? – спросил Джек, поворачиваясь к Ферлину.

– Оттуда. Я же их повадки наизусть выучил. Пока они не видят цели, движутся, как сканерный маркер, понимаешь?

– Нет.

– Ну неважно. Но бить по ним из ружья лучше, когда боксом поворачиваются. В главное сочленение.

– Это какое?

– Где опоры к корпусу крепятся.

– Ага, понятно. Ферлин, а куда все подевались?

- Должно быть, в дюны полезли.
- И на нашу тропу?! – вскинулся Джек.
- Не ори. Нам предъявить нечего.
- Но ружье-то – вот оно.

Джек оглянулся в поисках ружья, но ни оружия Ферлина, ни его сумки не увидел.

– Когда ты успел? – удивился он, на что компаньон только усмехнулся.

Где-то на чистых дюнах, к востоку от леса, грянул выстрел, потом еще один. А затем звонко застучал пулемет с вездехода.

Послышались голоса перекликавшихся солдат и снова одиночный выстрел, а потом к стуку пулемета прибавились отрывистые автоматные очереди.

Джек с Ферлином переглянулись. Перестрелка проходила у них за спинами, так что бежать отсюда было некуда.

– Что теперь д-делать? – прошептал Джек. От страха он начал заикаться.

– Сидим тихо, авось пронесет, – ответил Ферлин. Он понимал, что теперь фокус со спрятанной винтовкой мог не пройти, и если их найдут, посчитают сообщниками тех, с кем была перестрелка.

Между тем выстрелов больше не последовало, зато по аппаратам спустился еще один робот, приземистый и на коротких опорах, это была мощная машина огневой поддержки.

Далеко он не ходил, быстро не бегал, зато имел семиде-

сятимиллиметровую спаренную пушку, два крупнокалиберных пулемета и несколько ракетных контейнеров, которые вкпе с патронными коробами делали его похожим на чудовищную кубистскую скульптуру.

От бравой улыбки всезнающего Ферлина не осталось и следа. Позади них с Джеком слышались голоса солдат и тарыхтение гусениц вездеходов, где-то неподалеку лязгали амортизаторами легкие роботы-разведчики, а возле диско-рамы неподвижно застыл убийца танков, вскрыватель бетонных дотов и пожиратель бронированной пехоты, двадцатитонный «берг».

– Не шевелись... И не... разговаривай... – прохрипел Ферлин, глядя, как «берг» просеивает сектор блоком разведки и наведения.

Но Джек не только разговаривать, он боялся даже дышать, и разом севший голос Ферлина лишь добавил ему страха.

Тарыхтение гусениц вездеходов стало громче, теперь они катили в тыл Ферлину с Джеком. Впрочем, бывший солдат полагал, что в этом месте на дюну им не подняться, она была слишком крутой. И оказался прав. Вездеходы порычали моторами и поехали в сторону холмов, чтобы поискать более пологий склон.

Когда их тарыхтения стало не слышно, Джек немного расслабился. На мгновение ему показалось, что это всего лишь сон, ведь несмотря на страх, ничего не происходило. Однако вскоре послышались голоса – солдаты возвращались к диско-раме и были теперь совсем рядом.

«Вот придумаешь ты, сержант, как людей замучить...»

«Не забывай добавлять, «сэр», сынок. А то в следующий раз будешь бегать по дюнам один...»

«Мы могли бы обойтись «тарлингами», а не тонуть в этом песке».

«А вот вернемся на корабль, ты все капитану и выложишь. Только поспеши сделать это до взлета, а то он тебя за борт выбросит...»

Послышались смех и треск обламываемых веток. Солдаты шли слева и справа от густого кустарника, негромко переругивались и неловко спускались по песчаному склону.

Заметив своих, «берг» наконец ожил и стал прохаживаться в стороне от дискорама. Было слышно, как под его опорами поскрипывает крупный песок.

Вскоре показалась тройка роботов-разведчиков, они рысью бежали впереди вездеходов, сумевших-таки форсировать заросшую лесом дюну.

На вездеходе, ехавшем последним, возле пулемета лежали какие-то мешки, Джек не придал им особого значения, однако Ферлин рассмотрел этот груз лучше.

– Двоих они подстрелили, – негромко сказал он.

– Подстрелили? Ты хочешь сказать – убили?!

– Не ори...

– Извини. Но... это так неожиданно, Ферлин. Но кто это мог быть?

– Может, кто-то из деревни?

– В деревне нет никого, кто может заинтересовать солдат.

– Не солдат, а корпорацию «Крафт».

– Тем более, Ферлин. Там и полсотни человек не наберется, и всех я хорошо знаю.

– Но этих ты узнаешь? – спросил Ферлин и подал Джеку узкий, как портсигар, электронный бинокль.

– Ох... Я им пользоваться не умею...

– Уже настроено, просто смотри...

Джек стал смотреть. Теперь он видел солдат во всех подробностях и, несмотря на их одинаковые форму и амуницию, стал замечать даже, какие это разные люди. Они поразному жестикулировали, ходили и двигали головами, зато троих легких роботов можно было отличить только по бортовым номерам.

Солдаты и вышедший на аппарели техник закрывали обзор, но когда вездеход с двумя телами забирался по мосткам, Джеку удалось рассмотреть одного из убитых.

– Это не нашенские, – сказал он, возвращая бинокль. – Наверное, из Нура.

– Может быть.

– Ферлин, а чего они здесь делали, эти чужаки? И за что их солдаты стреляли?

– Постреляли за то, что те оказывали сопротивление.

– А они оказывали?

– Сначала были выстрелы из их оружия, только потом пулемет подключился и солдаты с автоматами.

– Но их же искали, значит, как-то заметили? И самое главное – за что? Чего они натворили?

– Боюсь, мы этого не узнаем. А обнаружить могли со спутника или с беспилотного высотного разведчика.

– И нас могут? – испуганно спросил Джек.

– Могут, – после паузы ответил Ферлин. – Но не заметят, потому что мы все сделаем правильно.

Между тем все десантные силы благополучно поднялись на борт дискорамы, и она запустила двигатели, еще даже не свернув аппарели.

Они подогнулись, словно скрюченные лапки, и убрались внутрь корпуса. Закрылись ворота, сноп огня из двигателей ударил в мокрый песок, и Ферлин с Джеком снова припали к земле под порывами горячего ветра и барабаниющих по листьям песчинок. Они лежали неподвижно, пока гул дискорамы не растаял далеко на востоке, а когда все стихло, Ферлин поднялся первым и, отойдя на несколько шагов, вытащил из высокой травы ружье и монтерскую сумку.

Пока он их навешивал, из укрытия вышел Джек, правда, с большой неохотой и смущением.

– Ферлин, – сказал он, глядя себе под ноги.

– Что такое, ты передумал идти со мной?

– Нет. Ферлин, я того... В штаны напустил...

– А-а, ну это бывает даже с солдатами. Снимай подштанники и цепляй на пояс, но ни в коем случае не на плечи.

– И что? – спросил Джек, расстегивая ремень штанов.

– И пойдем дальше. Через час бельишко высохнет, и ты его снова наденешь.

– Ты сказал, бывает и с солдатами... А с тобой, Ферлин, такое тоже случилось? – спросил Джек, снимая подштанники. Он задавал эти вопросы, чтобы скрыть свое смущение и притупить чувство стыда.

– Разок было. Я это как сейчас помню. Нас тогда орбитальная группировка залпом накрыла, так я три километра бежал, прежде чем понял, что штаны мокрые. И один старый солдат мне так же посоветовал – нацепить подштанники на пояс и носить, пока не просушатся.

– А почему на плечи нельзя? – поинтересовался Джек, прилаживая подштанники на пояс.

– Потому что враг может решить, что ты сдаешься. Но мы же с тобой не собираемся сдаваться, Джек?

– Нет, – ответил тот, улыбаясь. Он уже понял, что Ферлин шутит.

К Ривенским болотам путники подошли, когда начало темнеть. В воздухе стоял сильный болотный запах, который был Джеку непривычен, но он едва передвигал ноги и особо не обращал на это внимание. Он просто шел за Ферлином, видя впереди его раскачивающуюся спину и обмотанный ветошью ствол ружья.

– Ну вот и пришли, – сказал тот неожиданно, и Джек едва на него не натолкнулся. – Притомился? – спросил Ферлин.

– Есть немного.

– Садись сюда, вот здесь уже и камни приготовлены.

Ферлин взял Джека за локоть и поддержал, чтобы тот не споткнулся о крупные валуны, разбросанные между высокими кустами с жесткой листвой. Вдоль пустоши недалеко от дома Джека росли такие же, но они ни на что не годились, поскольку даже высушенные горели плохо, а для плетения корзин тоже не подходили, уж больно были ломкие.

– И что мы здесь будем делать, Ферлин? Ты же сказал, что стрелять надо над болотом.

– Правильно. Но стрелять будем утром, я сейчас спать.

– Спать? – удивился Джек. – А зачем же ты говорил, что мы должны прийти к определенному часу, если стрелять только утром?

– Потому, что во всем должен быть порядок, иначе ника-

кая военная операция тебе будет не под силу, – сказал Ферлин, аккуратно укладывая на камни ружье и пристраивая сумку.

– А у нас что, военная операция? – усмехнулся Джек, вспомнив про свои подштанники, которые, благополучно просохнув, были им уже надеты.

– Разумеется, приятель. Развязывай мешок, ужинать будем, а я отойду, чтобы принести травы, ночью холодно будет.

– Может, фонарик дашь, а то почти ничего не видно? Здесь быстро темнеет.

– Нельзя. Фонарик может нас обнаружить, а этого допускать нельзя.

– Кто же нас здесь увидит? – спросил Джек и начал на ощупь развязывать мешок.

– Смотритель на станции.

– На какой станции?

– А вон, на холмах за болотами, строение, видишь?

– Как же я увижу? Темно...

– На пока, поупражняйся, – сказал Ферлин, протягивая Джеку уже знакомый миниатюрный бинокль, а сам исчез в темноте.

Джек тотчас поднес бинокль к глазам и стал смотреть в ту сторону, куда указывал Ферлин, однако везде была все та же темнота, только над холмами чуть посветлее.

Покрутив настройки, Джек наконец включил нужный режим и в спектре из черного, желтого и красного цветов от-

четливо увидел линию холмов и несколько угловатых построек с высокой параболической антенной.

«Станция», – подумал Джек и опустил бинокль.

Послышались шаги, и появился Ферлин с огромной охапкой сухой травы. Он свалил ее на камни и начал раскладывать, чтобы устроить постель.

– Где же тебе в такой темноте удалось собрать столько травы? – удивился Джек.

– Я ее только взял под кустом, а собрал еще раньше.

– Ты специально приготовил ее?

– Конечно. Я же тебе сказал, что у нас с тобой настоящая военная операция, а чтобы она прошла успешно, нужно хорошо подготовиться.

– Ну ты молодец, Ферлин, я так никогда не готовлюсь.

– Вот поэтому сапиг ловишь мелких, да и то не всегда...

– Да, бывает, что и не ловится ничего. Но это из-за погоды.

– Не из-за погоды, а из-за плохой подготовки. Я сапиг ловлю в любую погоду. Где сыр и картошка?

– Я... сейчас все вытащу, – засуетился Джек.

– Где бинокль?

– Ой!

Джек в панике стал ощупывать землю, испугавшись, что выронил дорогой прибор.

– В кармане посмотри, – посоветовал Ферлин.

Джек сунул правую руку в карман куртки и сразу обнаружил пропажу.

– Точно, вот он!

– Вот видишь, а ты еще в солдаты просишься, – с укоризной произнес Ферлин, убирая бинокль в сумку.

– Ну, на войне я бы небось тоже чему-то научился.

– На войне учиться уже поздно, там на это времени мало.

Но ты запомни главное: на войне ты будешь или еще где, но если что-то задумал, подготовься основательно. Если куда-то собираешься забраться, думай, как выбираться будешь...

– Да никуда я не собираюсь забираться! – запротестовал Джек.

– Все. Готово.

Ферлин похлопал по настеленной траве, проверяя, ровный ли получился слой, а затем стал разуваться.

Джек последовал его примеру и поставил свои сапоги рядом с сапогами Ферлина. Потом они поужинали, и оказалось, что картошка кончилась, а сыру осталось еще треть круга.

– Ну ничего, – сказал Джек. – Завтра, если не промахнешься, мы мяса нажарим. Правильно?

– Правильно, – согласился Ферлин, не добавив больше ни слова. А Джек между тем надеялся, что компаньон расскажет, на какую дичь он собирается охотиться.

Для себя Джек уже решил, что это будет маронский гусь, крупное летающее пресмыкающееся с большими перепончатыми крыльями. Они весили под сотню килограммов и, как говорили в деревне, имели вполне пристойное на вкус мясо, которое не требовалось отваривать по два-три раза.

Джек лишь однажды видел пару маронских гусей, когда они пролетали над тем холмом, где он собирал сырой хвост. Однако летели они на большой высоте, и Джек не смог разглядеть никаких подробностей.

В пользу возможной охоты на маронских гусей говорило и то, что помимо серьезного ружья Ферлин взял и монтерскую сумку, в которой, Джек это знал, его компаньон носил оптический прицел с баллистическим блоком и фильтром ночного видения.

Постель из травы у Ферлина получилась отменная, Джек и не предполагал, что заночует на земле в таких условиях. Навалив на себя травы, он скоро согрелся.

– Ферлин, а откуда у тебя это ружье, ты его с войны принес?

– Нет, мое ружье осталось в части, где я служил.

– У тебя было такое же?

– Нет, поновее.

– А это что, старое?

– Конечно, старое. Ему уже лет двести...

– Двести?! – поразился Джек и даже привстал.

– А чего ты удивляешься? У нас все дома собраны из старых железяк, большая часть автомобилей выкопана из заваленных когда-то складов и гаражей. Полматерика кормится, перепродавая эту рухлядь, а вспомни минатуритовую лихорадку!

– Ну да, в общем, – согласился Джек. – Но одно дело всякие ржавые железяки, это я понимаю, они и выглядят старыми, а твое ружье, оно же совсем новое...

– Это сейчас оно выглядит как новое, потому что я над ним поработал и привел в порядок. А прежде выглядело похуже – пластик пришлось весь поменять, да и смазка за столько лет почти окаменела. В общем, работы было много.

– Но хоть патроны-то новые?

– Скажем так, патроны поновее лет на пятьдесят.

– То есть? – снова приподнялся на локте Джек.

– Патронам сто пятьдесят лет...

Воцарилось молчание. Джек не особенно разбирался в оружии, но и он прекрасно понимал, что отправляться на охоту, где есть возможность сделать только один выстрел, нужно лишь с безупречно подготовленными боеприпасами.

– А если осечка? – спросил Джек.

– Не будет осечки.

– И ты так просто говоришь о патронах, которым сто пятьдесят лет?

– Старые там только гильза и железка. В смысле пуля. А стартер я перебрал и поставил новый кварц. Порох перекристаллизовал...

– Как это?

– Ну, от времени у него меняются свойства. Чтобы это поправить, его растворяют в чистой воде, потом выпаривают, и порох становится как новый, правда, он от этого мельчает и сгорает быстрее...

– И что?

– Выстрел происходит резче, баллистика пули меняется. Но это можно учесть или добавить в порох сахарную пудру, она замедлит горение.

– Ты добавлял?

– Добавлял...

Джек откинулся на спину и вздохнул, глядя в звездное небо. Где-то там, на далеких планетах, которых отсюда даже в бинокль Ферлина было не разглядеть, разворачивались громкие баталии корпоративных армий и солдаты получали огромные деньжищи. Да, некоторые из них гибли, но об этой стороне медали Джек предпочитал не думать.

На болоте ударила хвостом игуана, погнавшаяся за гигантской лягушкой. Слышно было, как добыча стремительно убегала, отчаянно молотя по воде лапами, а игуана передвигалась редкими, шумными прыжками. Потом все стихло, было непонятно, поймала она лягушку или нет.

– Скажи, Ферлин, а много ли солдаты денег получают? Какое у них жалованье?

– По-разному...

– Но ты сколько получал? Скажем, в самом начале?

– Первые полгода восемьсот лир. Потом больше.

– Не, ну правда. – Джек снова приподнялся, хотя лицо Ферлина в темноте видно не было. – Правда, Расскажи, мне же интересно.

– Интересно?

– Ну на самом деле, мне нужно знать это наверняка.

– А что, разве в деревне еще не знают?

По тону Ферлина Джек понял, что тот улыбается.

– Кто говорит полторы тысячи, кто две, а кто и четыре. Кому верить, неизвестно.

– Когда бронбойщиком служил, получал тысячу четыре-

ста.

– Ух ты!

– А когда перешел в механики, то до двух с половиной выходило в зависимости от переработки...

– Две с половиной тысячи лир! – повторил Джек и замолчал, не в силах совладать с эмоциями. От всего услышанного у него даже пятки зачесались. Да, он слышал всякие цифры и много раз, в деревне считать солдатские деньги было любимым делом. Но одно дело деревенские болтуны и совсем другое – человек, который получал эдакие деньжищи в собственные руки.

– А сколько ты всего служил?

– Четыре года два месяца. Чтобы закрыть пятилетний контракт, чуть-чуть не хватило.

– Тогда была бы большая пенсия?

– Да. Была бы приличная пенсия, и не пришлось бы вот на такую охоту выходить.

– Послушай, но ведь за четыре года у тебя должна была скопиться огромная сумма. Ведь тебя там кормили и одевали. И жить было где. Куда же подевались все эти деньги?

Ферлин ответил не сразу, должно быть, ему эта тема совсем не нравилась.

– Видишь ли, приходилось много тратить на развлечения.

– Но какие же на войне развлечения? В кино, что ли, ходил? В чайную? Там столько не потратишь.

– В чайной не потратишь, но когда твоя часть выводится с

переднего края и отправляется на отдых, появляется много соблазнов, против которых солдату трудно устоять.

– Ты выпивал?

Произнесено это было с такой наивной непосредственностью, что Ферлин даже головой покачал. Ну как рассказать этому юнцу, проводшему всю жизнь на хуторе в пустоши, чем занимались солдаты на отдыхе?

– Да, Джек, выпивал, и немало...

– Ну, допустим. Однако на это тоже много денег не уйдет, Ферлин. Что еще ты делал?

– Слушай, а не пошел бы ты куда подальше, дружок? – начал сердиться Ферлин. – С чего это ты решил мне тут допросы устраивать?

– Я вовсе не пытаюсь выведать все о твоих, может, и не самых лучших поступках, Ферлин, но пойми, я должен знать, что меня ожидает на службе. Если ты совершил ошибки, скажи мне, тогда я смогу их избежать.

Неожиданно в темноте возник какой-то странный звук, как будто великан дул в большой медный горн. Звук был жутковатый и какой-то сказочный. Джеку даже показалось, что гудение горна приближается, и он легко представил парящего над болотами великана, которого ветром несет на юг.

«Холмы он не перелетит, – подумал Джек, увлекшись этим образом. – Обязательно застрянет. Либо за скалу зацепится. К примеру, за Тюльпан».

– Слышишь сирену? – спросил Ферлин и разом разрушил

сказочную иллюзию.

– Что? Сирену? Это разве сирена?

– Сирена. На станции связи включается, чтобы весь ее персонал прошел в укрытие перед передачей...

– Передачей чего?

– Передачей информации. Это станции глобальной связи корпорации «Крафт». Она может связываться с другими такими станциями на огромном расстоянии.

– А почему она здесь? Почему именно в нашей глуши, не где-нибудь возле большого города?

– Ее нельзя ставить где попало, у нее должны быть определенные координаты, иначе она не сможет синхронизироваться с другими станциями на других планетах или со спутниками. И она здесь не одна, станции стоят цепочкой через каждые тридцать километров и тянутся через весь материк.

– А на море как?

– Не знаю. Может быть, плавающие острова или платформы.

Они помолчали, прислушиваясь к сирене, которая гудела минуты три, а потом замолкла.

Внезапно черную ночь распорол яркий, иссиня-белый луч, который сверкнул над станцией и погас. А спустя несколько мгновений, пораженные увиденным, Джек и Ферлин услышали удар, похожий на раскат грома.

Минут пять после случившегося Ферлин и Джек молчали, осмысливая это явление. На их пустошах случались зимние грозы, такие сильные, что от молний у железных домов оплавлялись углы, но этот луч не был похож ни на что виденное ими раньше.

– Ты знал, что так будет? – спросил Джек.

– Нет, сам первый раз видел.

– А ты здесь ночевал раньше?

– Один раз, но ничего такого не было.

Они еще помолчали, а потом Ферлин сказал:

– Ты меня все время так расспрашиваешь, будто контракт на службу у тебя уже в кармане.

– Я думаю, так и будет...

– А с каких таких гвоздей? Тебе что, пообещал кто-то?

– Нет. Но я думаю, что все само как-нибудь сложится. Я пойду служить, тогда мне и пригодятся твои наставления, чтобы я, как ты, не прогулял свои деньги...

– Ну, я посылал часть денег сестре, – сказал Ферлин, понимая, что нужно как-то ответить Джеку, чтобы он больше не приставал. – Немного, конечно, всего сотню, но она особенно и не нуждалась. Просто все кому-то посылали, вот и я решил, что пусть ей отчисляют по сотне с каждого жалованья.

– Это все еще мало, Ферлин. Это, считай, какие-то гроши.
– Ну, на баб много тратили...
– Ты имеешь в виду гулящих женщин?
– Их самых. В тех городках, где такие фронтовые отстойники существовали – для отдыха солдат с переднего края, – быстро образовывались публичные дома, питейные и игорные заведения. Всяческие клубы. Хотя это тоже питейное заведение.

– Ну и как это происходило?
– Да просто происходило. Напиваешься, идешь к проституткам, соришь деньгами, потом они тебя еще обворовывают. Потом прешься играть в карты или в рулетку, просаживаешь еще кучу денег. А потом тебя везет в казарму таксист и вытаскивает из кармана остатки. Вот и все дела. Ничего странного.

Услышав это, Джек долго молчал, задумавшись. Пожалуй, такие признания поразили его не меньше, чем недавняя вспышка луча.

– Знаешь, Ферлин, – сказал он через какое-то время. – Я, конечно, понимаю, все эти дела с женщинами... Я бы и сам сходил. Один раз. Но вот играть бы не стал и на такси бы не поехал. Лучше на автобусе или пешком, если недалеко. Да и пить бы я тоже не стал. Ну, может, немного пива. Я пробовал настоящее пиво в Нуре. Правда, это было давно. Но я не понимаю, зачем было столько пить?

– Ты что, дурак, Джек? Тебе семнадцать лет! Ну ладно,

с девками тут напряженка, а в Нуре проститутки цены заламывают, но выпить бражки из водорослей ты же можешь? В деревне ее за гроши продают и меняют хоть на хворост. Вон его у тебя сколько на дворе засушенного!

– Не хочу пить, мне пьяным быть не нравится. Какой в этом смысл?

– Здесь люди пьют с тоски. А солдаты на отдыхе – от страха.

– Но неужели нельзя было подумать о будущем? Неужели ты не думал, что вот вернешься домой, построишь каменный дом, купишь машину на бензине, встретишь хорошую девушку и женишься. Неужели ты не хотел всего этого?

Ферлин ответил не сразу. Он как-то странно затрясся, Джек подумал, что у него снова приступ, но Ферлин смеялся, правда, как-то не слишком весело. Потом успокоился и заговорил:

– Находясь здесь, Джек, ты много чего не понимаешь и никогда не сможешь понять, если не понюхаешь фронта. Там, если дожил до вечера, считай, повезло. Бывало ложишься спать в бункере и не помнишь, что днем было – память напроочь отшибло. Только смотришь, соседская койка пустая. Спрашиваешь, дескать, где он, а тебе говорят, ты что, забыл, сам его по кускам сегодня собирал в траншее? Как тебе такое? А ты про будущее. Там никакого будущего не планировали и как попадали на отдых, так пей-гуляй, пропивай все до гроша.

Джек слушал и ужасался. Он совсем иначе представлял себе жизнь солдат. Конечно, иногда им приходилось стрелять и кого-то даже убивали. Но, возможно, часть, где служил Ферлин, была какая-то неправильная? По крайней мере для себя Джек твердо решил, что когда получит контракт, постарается, чтобы его отправили в приличное место, а не туда, где пьют и играют.

От общения с девицами он решил не отказываться, но тоже знать меру и следить, чтобы не воровали.

– Неужели все только и делали, что пили?

– Ну почему, был один такой, который не пил, а все деньги отправлял жене и детям. Как ни придешь в казарму, он там сидит и ТВ-бокс смотрит. Только видно, что ничего не понимает, что весь в себе, в своих переживаниях. Мы-то хоть изредка по пьянке отключались, с девками крутили, напрочь забывали про этот фронт. А он все время был в теме и прямо чернел на глазах. И продержался он так всего год, а потом застрелился, оставив семью даже без страховки – самоубийцам она не положена.

– Какой ужас...

– Да, но был еще другой парень, тот выпивал, но без особого фанатизма и к девкам ходил нечасто, зато просто обо-жал читать. Днями напролет с книжкой в руках валялся. А еще ржал, когда чего-нибудь смешное в книжке бывало. Его спросишь, он рассказывает... – Ферлин вздохнул. – Рассказчиком он был хорошим, мы потом на передовой его часто

просили что-нибудь рассказать, и он рассказывал. Так веришь, он так всю картину передавал, что как будто в театр сходили.

– Ты бывал в театре?

– Я же сказал – как будто.

8

Своими расспросами Джек разбередил старые воспоминания, и Ферлин не спал, лежа с открытыми глазами и глядя на звезды. Он не любил таких ночей с ясным прозрачным небом, тогда ему казалось, что на всем свете он остался совсем один.

Хорошо хоть Джек согласился пойти с ним. Мальчишка, ему все интересно.

– Ферлин...

– Ну?

– Ты говорил, твоему ружью двести лет...

– И что?

– А где ты его нашел, у нас на пустошах?

– На пустошах ничего не найти, здесь все уничтожено и перемолото. Это я в другой долине у наркоманов выкупил. Они целый склад откопали и на эти деньги дерьмо покупали.

– Дерьмо? – не понял Джек.

– Наркотики.

– Я бы тоже хотел иметь такое ружье.

– Зачем тебе?

– Мать защищать, себя. Ну и вообще, эта штука очень серьезная, и я бы хотел научиться стрелять, как ты. Ну или почти, как ты, и чтобы оптический прицел и этот самый блок...

– Баллистический.

- Да, баллистический.
- Разбогатеешь, купишь патронов, и научу.
- А сколько на них нужно денег?
- Для обучения нужно не менее полусотни выстрелов. Новые патроны стоят по лире штука, а старые – десяток на лиру. Но их перебирать нужно.
- Я помню, ты говорил. А старые, это которым двести лет?
- Сто пятьдесят. Это ружью двести лет.
- А здесь что же, двести лет назад была война?
- Да, была война. Большая и очень жестокая, – сказал Ферлин и вздохнул.
- Более жестокая твоей?
- Куда хуже. Корпорации в своей войне хоть какие-то правила имеют, а двести лет назад здесь не считались ни с военными, ни с гражданскими.
- Да ну? – удивился Джек, привставая. – Почему же нет никаких руин, какие по ТВ-боксу показывают?
- Потому что города были стерты с земли очень мощными термоядерными бомбами.
- А где же они были, эти города?
- Повсюду, Джек. Здесь были самые населенные земли, а каждая пустошь – это след от бомбы, стало быть, раньше на этом месте стоял город.

Очередная новость потрясла Джека. Минут пять он раздумывал, боролся с переполнявшими его чувствами и все по-

рывался что-то уточнить, но нужные слова не шли. Все было не то.

– Выходит, я сейчас живу на краю бывшего когда-то города?

– Да, Джек, ваш с матерью хутор находится в бывшем пригороде. Поздравляю.

– Почему поздравляешь?

– Потому что в пригороде жили самые зажиточные люди. Джек помолчал еще, пытаясь представить эти города с высокими, как в Нуре, домами, а может, и выше. С множеством машин, работающих на бензине, и спешащими по своим делам людьми. Но общей картины у него не получалось.

– А точно там были города? Может, эти бомбы случайно упали?

Ферлин не выдержал и засмеялся.

– Ты чего?

– Ничего. Просто ты своими добавлениями не даешь мне скучать. Это я про бомбы, которые упали случайно. Нет, Джек, не случайно. В военном архиве я видел старые карты, так там эти города указаны. Тогда это была единая огромная равнина, безо всяких холмов.

– Откуда же взялись холмы?

– Холмы – это складки грунтовых слоев, сдвинутые чудовищной силой взрыва. Вот поэтому все пустоши выглядят как огромные кратеры с высокими краями, такими высоким, что на каждой пустоши имеется свой климат.

– Да, это точно. Перейдешь через холмы, и вот тебе уже другая погода. Я это много раз замечал. А как выглядят карты, Ферлин?

– Карты? Ты не знаешь, как выглядят карты? – в свою очередь, удивился Ферлин. – Ты же в школу ходил, чему вас там учили?

– Это ты в школу ходил, тогда она еще полной была. А когда люди разъезжаться стали, так и учителя поразъехались. Читать-писать вроде научили и на том спасибо. А географию у нас вел старик Бровар. Он бывший полицейский, поэтому считалось, что знает больше других. Он приносил на урок старый глобус без подставки, клал его на стол и говорил – дети, это наша планета.

– И что дальше?

– На этом все. Дальше он засыпал прямо на стуле, потому что никогда трезвым в школу не приходил. А ты говоришь – школа, карты.

Утомившись от новых впечатлений, Джек наконец уснул, и Ферлин разбудил его ранним утром, когда над болотом стоял густой туман, а темно было почти так же, как и накануне вечером.

– Утро уже. Пора идти, – сказал Ферлин.

Джек сел, едва ощущая замерзшие холодной ночью ноги. Он потянулся было за сапогами, но Ферлин остановил его.

– Не спеши, – сказал он. – Первым делом попей воды, хоть немного. Потом съешь немного сыра, а уже после этого надевай сапоги и топай.

– А почему именно так?

– Потому, что сапоги сейчас сырые и холодные, как пуштошь в зимнюю ночь. Если наденешь сразу, не удержишь на месте.

– А по нужде как, босиком?

– По нужде – особый случай, по нужде надевай сапоги.

Пока Джек, отойдя, поливал деревце, со стороны болота стали доноситься хлюпающие звуки.

– Лягушки кормятся, – пояснил Ферлин, протягивая флягу вернувшемуся Джеку. Тот сделал глоток и присел, начиная уже получше различать обстановку.

Ферлин отрезал два ломтика сыра и подал один Джеку. Тот взял его и принялся жевать, со сна не чувствуя вкуса.

Однако постепенно приободрился и даже стал согреваться.

– Как в сапогах? – с усмешкой спросил Ферлин. Джек в ответ только поморщился.

– У нас еще пятнадцать минут. Из них на подход нужно семь, на подготовку ружья – пять.

– А куда еще три?

– Три будут в резерве.

На болоте громко плеснулась игуана, ударив хвостом и подняв дождь брызг.

– Ишь как разыгралась, наверное, поймала чего, – прокомментировал Ферлин. – Ну пойдем, в пять сорок две будет пролет.

– Пролет чего? Добычи?

– Да, приятель. Мы ведь именно за ней пришли?

– А почему такая точность? – спросил Джек.

– Потому что эта птица очень любит точность. И за это мы ее ценим.

Джек из этого объяснения ничего не понял, но не стал спрашивать Ферлина, решив, что сам во всем разберется в процессе охоты.

Тем временем Ферлин собрал всю траву, на которой они спали, и унес, чтобы снова спрятать.

– Зачем ты это делаешь, мы что, сюда еще вернемся?

– Если вернемся, будет подстилка, а если нет, пусть никто не узнает, что мы здесь ночевали.

– Не хочешь, чтобы кто-то узнал про место, богатое ди-

чью? – по-своему понял Ферлина Джек.

– В самую точку, приятель, пошли.

Джек забросил на плечо отощавший мешок с провизией и пошел за Ферлином, который уверенно шагал по усыпанной булыжниками земле, несмотря на утренние сумерки.

Джек ступал за компаньоном след в след, эту азбуку он уже освоил. Вскоре они подошли к полосе клубящегося тумана, стало слышно журчание воды.

– Здесь река, Ферлин?

– Когда как, – ответил тот. – Иногда просто песок, а ночами из болот вода вытекает.

Воды под слоем тумана было немного – по щиколотку, но, заслышав движение, к месту брода кинулись вечно голодные игуаны.

Они были небольшие, крупные на мелководье не выходили, но из-за сумерек и тумана Джеку казалось, что их окружают трехметровые монстры. А какие у игуан зубы, он знал.

Должно быть, привлеченные страхом Джека, болотные хищники стали на пробу стегать его хвостами.

– Ах, сволочи! – воскликнул он.

– Что такое? – спросил Ферлин, оборачиваясь.

– Они... Они напали на меня!

– Пустяки, придави одну-другую каблуком, и больше они к тебе никогда не пристанут. Даже когда вырастут и станут по-настоящему опасными.

– Они что, на всю жизнь запоминают, кто им наподдал?

– Да, они различают твой запах и помечают его как запах опасности.

– Поэтому тебя уже не трогают?

– Правильно.

Джек стал выжидать подходящего момента, но игуаны, как будто почуяв его решимость, стали кружить поодаль. Наконец одна из них – новенькая и дерзкая, бросилась Джеку под ноги, и тот топнул ногой, прищемив ей хвост. Тотчас все хулиганки порскнули в стороны, оставив на воде только дорожки пузырьков. Запахло болотом, Джек зажал нос.

– Теперь все время так вонять будет? – спросил он.

– Нет, это тебе игуаны привет передали... А вон уже остров и коряга, на которой мы пристроимся.

– Ага, – сказал Джек, пробуя дышать носом. Как будто вонь отступала, но неожиданно в прореженном тумане он увидел сидящего на земле человека, который странно раскачивался и помахивал им с Ферлином рукой.

– Ферлин! – воскликнул Джек и, прыгнув к компаньону, вцепился ему в локоть.

– Ты чего? – удивился тот, останавливаясь.

– Там человек! Смотри!

Ферлин присмотрелся, затем покачал головой и разжал пальцы Джека на своем локте.

– Это коряга, я же тебе говорил.

– Коряга? Она похожа на человека! Почему она движется? – не сдавался Джек, прячась за спиной компаньона.

– Это из-за тумана. Я ее поначалу тоже за живую принимал и даже ружье нацеливал.

– Уф... – выдохнул Джек, понимая, что ошибся. Вскоре они стали выходить на небольшой каменистый островок.

Расположившись на старом, почерневшем от времени поваленном дереве, Ферлин стал разматывать тряпки, чтобы достать ружье, а Джек следил за его движениями, поражаясь умению своего компаньона. Видно было, что оружие Ферлин держал в руках едва ли не чаще, чем ложку. Он не глядя щелкал разными кнопочками, собачками и застешками. Четкими выверенными движениями перемещал ползунки, подключал разъемы и проверял в прицелах подсветку.

Когда вся подготовка и проверка были выполнены, он достал из сумки патрон, протер его чистой тряпочкой и, открыв затвор, дослал в ствол. Затем отключил на ружье электропитание, закрыл шторкой объективы прицелов и, положив ружье на колени, стал ждать.

– Почему только один патрон, у тебя же с собой пять?

– Это я на всякий случай взял, но в магазин загружать их нет смысла.

– Но если ты промахнешься, сможешь выстрелить еще. Я же знаю, ты быстро стреляешь.

– Для этой птицы недостаточно быстро, поэтому будет только одна попытка. Ну-ка поддержи, только ничего не трогай.

С этими словами Ферлин переложил ружье на колени Джеку и, сунув руку под корягу, вытащил крепкую рогати-

ну. Потом сдвинул в сторону небольшой валун, под которым оказалось заготовленное отверстие. Установив в него рогатину, Ферлин проверил ее надежность. Было видно, что подпорка стоит очень основательно.

– Слушай сюда, Джек, – произнес Ферлин, забирая у Джека ружье. – Как только я выстрелю, ты выдернешь рогатку и спрячешь обратно под бревно, а камень положишь на ямку. Но все надо делать быстро, так что заранее мысленно прокрути, как ты это будешь делать. Это, между прочим, хороший метод подготовки, когда нет возможности потренироваться на натуре.

– Я понял, Ферлин, я все сделаю, – пообещал Джек, не переставая удивляться основательности компаньона. Он не только знал маршрут, но заготовил траву для постели, а еще сделал рогатину и ямку под нее.

Джек вздохнул и покачал головой. Сам бы он пошел на авось, а если бы что-то и готовил, то быстро, за пять минут. И, разумеется, имел бы мало шансов подстрелить маронского гуся.

И еще. Приготовив ружье, Ферлин неподвижно сидел на коряге, не проявляя никаких эмоций, тогда как Джек извелся бы от переживаний: попадет – не попадет, будет осечка – не будет осечки.

Наконец Ферлин еще раз взглянул на часы, открыл шторки прицела и включил электронику. На блоке баллистики загорелись два крошечных красных огонька. Затем один из

них стал зеленым, а другой через мгновение – синим. После этого Ферлин поставил ружье на рогатину и, приложившись к прицелу, повел стволом из стороны в сторону. Джек уже знал, что так проверяется действие прицела и движение метки упреждения.

Потом Ферлин на мгновение прикрыл ладонью объектив с наружной стороны, чтобы проверить ночные настройки.

Джек судорожно сглотнул. Ему показалось, что он мерзнет. Или это от волнения?

Он стал прислушиваться, не летит ли какая-нибудь дичь. Но из-за доносившихся с болот бульканий и всплесков более тонких звуков разобрать было невозможно. Тогда Джек решил наблюдать за Ферлином, уж тот наверняка пошевелится и как-то выдаст появление цели.

Однако компаньон сидел не шевелясь, и Джек уже начал беспокоиться – не пропустили ли они нужный момент и прилетит ли кто-нибудь сегодня? Ему казалось, что прошла уже уйма времени. Жаль, что он не видел часов Ферлина, а то бы уже спросил: «В чем дело, Ферлин? Где наша дичь?»

Или спросить просто так? Но компаньон занят, а может... Может, у него снова обморок? Тогда просто необходимо его окликнуть.

Внезапно над холмами рванул шквалистый ветер и засвистел в сухих кустарниках. Джек поднял голову и увидел движение ружейного ствола. Полыхнуло пламя, хлестнул звук выстрела, и Ферлин вскочил, закидывая ружье на плечо и

подхватывая сумку.

– Спрячь рогатку и догоняй! – крикнул он и побежал в сторону болота.

Сбивая от волнения дыхание, Джек выдернул рогатку, сунул ее под корягу и сдвинул на прежнее место камень. Еще раз осмотрел – все ли убрано, и помчался за Ферлином.

Он догнал его довольно быстро, поскольку компаньону приходилось тащить двенадцатикилограммовое ружье и сумку.

Вскоре остров закончился, и они побежали по отмели, вздымая тучи брызг и разом замочив сапоги со штанами.

– Быстрее! – прикрикнул Ферлин. – А то он утонет!

«Ага, значит, попал!» – обрадовался Джек и вслед за Ферлином прибавил ходу.

Внезапно послышался звук падения в воду чего-то большого. Всплеск был такой, что Джек увидел фонтаны брызг через голову высокого Ферлина. Добыча оказалась определенно крупнее, чем маронский гусь.

– Давай-давай! Еще немного! – подбадривал Джека Ферлин, заметив, что молодой компаньон начинает отставать.

Наконец они достигли места падения. Было уже достаточно светло, чтобы разглядеть добычу.

– Ферлин! – воскликнул Джек, останавливаясь. – Ферлин, это же самолет!

– Хватайся, Джек! Не стой, а то он утонет!

Ферлин был прав, небольшой самолет понемногу погру-

жался в воду. Вцепившись в крыло рядом с компаньоном, Джек потащил добычу к берегу. Глубина здесь оказалась переменная, где по щиколотку, где по пояс, так что самолет приходилось то вытягивать из текущей воды, преодолевая течение, то волочь по песку, а это было самое трудное.

Наконец, мокрые и уставшие до дрожи в коленях, они выволокли добычу на сухое место, и Джек сумел оценить ее размеры. Это был летательный аппарат не менее пяти метров в размахе крыльев и чуть меньшей длины от носа до хвоста, беспилотный аппарат с огромным, торчащим из носовой части объективом.

– Что мы с ним будем делать, Ферлин? Я думал, ты подстрелишь нам чего-нибудь съестного!

Джек промок, замерз и начинал злиться. Он никак не мог понять эту глупую выходку Ферлина.

– Мясо я, считай, уже подстрелил. Так что домой без добычи ты не вернешься, – сказал Ферлин и, положив ружье на траву, стал доставать из сумки какие-то инструменты и коробочки с проводами.

– Пока ты не нужен, можешь отдохнуть, – сказал он, подошел к носу беспилотника, включил электрическую отвертку и начал выкручивать из корпуса какие-то винты.

Джек огляделся. Он чувствовал себя вором, забравшимся в чужой сад. А что, если сейчас сюда кто-то нагрянет, а в борту самолета вон какая дырка и рядом на земле ружье. И гильза! Ведь Ферлин ее не подобрал, хотя, казалось бы, учел

все мелочи!

– А гильза-то твоя улетела, а, мистер умник? – не скрывая злорадства, заметил Джек. – Теперь ее найдут и отнесут куда надо.

– Не найдут, – не оборачиваясь ответил Ферлин, присоединяя в открывшемся лючке какие-то провода.

– Но ты стрелял? Стрелял. Значит, гильза вылетела.

– Она осталась в ружье, я для этого специально экстрактор вытащил.

– Поэтому и патрон только один положил и второй выстрел не мог сделать?

– Ну разумеется. Приятно, что ты уже начал разбираться, Джек, а то эти твои «почему» уже надоели.

Внутри самолета что-то зажужжало и звонко щелкнуло. Ферлин вытянул провода и, снова взявшись за отвертку, продолжил деловито выкручивать винты.

– Ты так быстро все делаешь, как будто занимался этим сто раз! Ты что, много их тут наподстреливал?

– Все намного проще, Джек. Когда я работал в армии механиком, то чинил подобные штуки. Не слишком много, но полсотни через мои руки прошло.

– Поздравляю с полсотни первой, – угрюмо заметил Джек и огляделся. Ему снова стало казаться, что их здесь застанут.

– Слушай, Ферлин, а этой штуки не могут хватиться?

– Обязательно хватятся, – ответил компаньон и энергичным движением сдернул носовой обтекатель, под которым

оказался тот самый объектив вместе со всеми механизмами наведения.

– Обязательно хватятся, – повторил Ферлин, сменил на отвертке насадку и стал скручивать крепившие объектив гайки.

Не прошло и нескольких минут, как увесистый объектив со всеми блоками оказался у него в руках.

– Отлично. А теперь, Джек, достань из моего кармана пластовый пакет. Достань и держи...

Джек вытащил пакет и, развернув его, держал, пока Ферлин бережно опускал в него трофей. Потом пакет переключал в мешок Джека. Упреждая его протесты, Ферлин сказал:

– Чтобы получить мясо, ты должен мне немного помочь. Один я все не дотащу.

– Но ты же сказал, что его хватятся, – напомнил Джек.

– Да, хватятся. Но сначала они приложат немало усилий, чтобы связаться с ним, ведь связь с центром часто теряется и тогда объектив пишет видео на диск, с которого потом снимают всю информацию.

– Значит, он и нас записал, как мы тут разговаривали да ковыряли его?

– Нет, он записал нас только в фазе полета, пока мы на острове были, потом мой выстрел перебил ему диспетчерский блок и запись остановилась.

– Ты специально целился в блок? – спросил Джек, с сомнением поглядывая на аккуратную пробоину.

– Разумеется, приятель. В этом случае сохраняются все полетные настройки и машина аккуратно планирует, если же ее просто изувечить, она разобьется вместе с ценной аппаратурой.

– А эта аппаратура очень ценная? – спросил Джек, взвешивая в руках свой вещмешок.

– Поговорим об этом позже. И вообще, это секретная информация, а ты получишь расчет мясом, как я тебе уже сказал.

Ферлин сложил свои инструменты в сумку, затем достал экстрактор, вручную удалил гильзу и поставил экстрактор на место.

– Ну так что там про потерю связи? Когда они начнут его искать?

– Часика через три, не раньше. У них там длинная исполнительная цепочка. Пока все друг другу доложат, нас уже и след простынет. Ну, идем, приятель. Топать домой намного приятнее.

Со стороны лесистых дюн подул ветер, туман начал отступать на болото, и над восточной грядой холмов наконец показалось солнце.

Эта смена декораций и хорошее настроение Ферлина придали Джеку сил. Он вдохнул полной грудью очистившийся воздух, еще раз огляделся и при солнечном свете заметил нечто, лежавшее на краю болота справа от них.

– Эй, Ферлин, смотри... – позвал Джек, показывая на какую-то изломанную конструкцию.

Ферлин обернулся, затем остановился и вдруг побежал к нечаянной находке. Джек поспешил следом, уже понимая, что его спокойный и расчетливый компаньон занервничал.

Подбежав к груде искореженного металла, они остановились, тяжело дыша. Это были останки точно такого же беспилотника, какой сбил Ферлин, только погиб он не от точного выстрела, а от попадания зенитной ракеты. Хвостовое оперение аппарата было полностью уничтожено, а на корпусе осталось несколько рваных пробоин. После такого варварского подрыва машина рухнула на землю, потеряв оба крыла и вбив внутрь носа дорогостоящий объектив. Видимо, за ним горе-стрелки и охотились – на корпусе остались следы зубила, а головки винтов были сорваны плохо подобранной отверткой.

Если Джека вид разбитого аппарата всего лишь удивил, то Ферлин с ужасом постигал, в какое положение они попали. Обломки беспилотника были совсем свежие, теперь становилось понятно, зачем здесь вчера появлялась дискорама и чьи тела солдаты увозили после перестрелки.

Было ясно как день, что после потери второго за два дня беспилотника служба безопасности корпорации наготове и солдаты «Крафта», без сомнения, уже в пути.

– Джек, – сказал он, и его голос прозвучал так, что младший компаньон насторожился.

– Что, Ферлин?

– Джек, что есть духу беги за мной, иначе нам придется туго.

И, повернувшись, Ферлин побежал в сторону редких зарослей кустарника, которые через пару сотен метров взбирались на лесистые дюны.

– Что случилось, Ферлин?! Что случилось?! – пытался выяснить Джек, которому страх придавал сил.

Воздух всколыхнулся от вибрации мощных двигателей. Самой дискорама еще видно не было, не было слышно и гула ее двигателей, но ударные волны от пульсации дюз распространялись значительно быстрее и подгоняли беглецов, как порции адреналина.

Вскоре появился низкий ревущий звук, который стремительно приближался. Кусты были рядом – рукой подать, но дискорама, казалось, была еще ближе.

Гул нарастал, Джеку пригрезилась обгонявшая его огромная тень, однако это пока был только его страх, беглецы ринули в кусты за пару мгновений до того, как огромная тарелка пронеслась над их головами, пригибая кусты и жесткие травы.

– Вставай, Джек! Нам нужно двигаться! – прохрипел Ферлин, сам с трудом переводя дух.

– Я... Не могу... Ферлин... – еле дыша проговорил Джек.

– Нас подстрелят, приятель! Ты помнишь, что случилось с теми парнями?

– Пусть подстрелят... – простонал Джек, у которого перед глазами плыли разноцветные круги, а во рту был привкус желчи.

– Вставай, ну? Они уже садятся! – крикнул Ферлин, пытаясь поднять Джека.

– Давай отдадим им эту штуку, Ферлин. Давай отдадим, и нам ничего не будет. Ты же... ты же аккуратно все снял, ничего не сломал, и самолет их цел остался.

– Нет уж, приятель, хочешь здесь оставаться – оставайся, а я свою законную добычу не отдам.

Ферлин вырвал у Джека мешок и на четвереньках пополз прочь, подтягивая попеременно то ружье, то мешок с объективом. Младший компаньон сделал несколько глубоких вдохов, потом перевернулся на живот и таким же манером пополз следом за Ферлином.

– Оставь мешок, я в порядке, – сказал он. Ферлин посмот-

рел на него через плечо и вдруг захихикал.

– Ты что, с ума сошел? – удивился Джек, окончательно приходя в себя.

– Видел бы ты свою харю, Джек, когда говорил, что ты в порядке.

– Харя как харя...

Взметнувшийся при посадке песок накрыл беглецов, Джек прищурился, слушая, как песчинки барабанят по кустам и его спине. Ползший первым Ферлин вдруг остановился, и Джек уткнулся в его подошвы.

– Чего там?

– Надо подождать, пока они разбредутся.

Джек ползком обогнул компаньона и, выглядывая из-за куста, тоже стал наблюдать за высадкой. Но ничего нового здесь не было, тарелка, судя по бортовому номеру, оказалась та же.

Аппарели были уже разложены, и по ним, как и в прошлый раз, первыми спустились два гусеничных вездехода с пулеметами. Они сразу заторопились к лесистой дюне, развернулись и поехали вдоль нее в сторону холмов, однако на этот раз помимо двух членов экипажа вездеходы везли по пять пехотинцев.

– Ты понимаешь, что они делают? – спросил Джек, смахивая со лба липкий пот.

– Понимаю. Они высчитали, как далеко мы сумели уйти с момента обрыва связи с беспилотником. Если вычесть вре-

мя на разборку аппарата, получается, что недалеко. Они высаются у холмов и пойдут к болоту, прочесывая заросли на дюнах.

– Это долго.

– Долго. Поэтому солдаты будут очень злые и станут стрелять по любому поводу. Правда, тут есть плюс...

– Какой же тут плюс?

– Они устанут и искать будут спустя рукава, а мы этим воспользуемся.

– Тут они нас легко найдут, хоть с рукавами, хоть без рукавов, – посетовал Джек, поглядывая на низкие кустики, в которых они прятались.

– А мы здесь не останемся. Как все разбредутся, мы стартанем к лесу. Тут всего-то семьдесят метров.

– А по-моему, сто пятьдесят, – возразил Джек.

– Сколько бы ни было, а бежать придется, и бежать быстро...

– О, роботы вылезли, – прокомментировал Джек появление троицы легких разведчиков. – Куда они, интересно, направятся?

– Ну, если вездеходы ушли к холмам, эти попрут напрямком на нас.

– На нас?! – воскликнул Джек.

– В нашу сторону. Им же еще беспилотник нужно осмотреть – выяснить, что и как с ним было.

– Они станут его искать и наткнутся на нас, – обреченно

произнес Джек.

– Нет, искать его им не нужно, они уже видели его сверху, они только отправят разведку, чтобы убедиться, что он не сам свалился, а его сбили.

Ферлин оказался прав: троица роботов, потоптавшись на месте, рысью двинулась в сторону болота.

– Мне кажется... Прямо на нас правят... – простонал Джек.

– Это только кажется, им здесь делать нечего, – попытался успокоить его Ферлин, однако и сам видел, что роботы движутся прямо на их жалкое укрытие.

Эта троица роботов-разведчиков заставила Ферлина с Джеком пережить несколько неприятных мгновений, пока наконец не сменила направление в каких-то тридцати метрах от укрытия.

В чем состоял смысл этого маневра, было непонятно, но резко взрыв песок опорами, роботы помчались к месту, где оставался сбитый Ферлином беспилотник.

– Уф... я думал всё... – сказал Джек, снова вытирая вспотевшее и покрасневшееся лицо. – Когда же мы побегим, Ферлин?

– Когда оставшиеся пехотинцы куда-нибудь уберутся.

– А если не уберутся?

– Уберутся. Обязательно уберутся, – не слишком уверенно произнес Ферлин.

Перед воротами дискорама все еще болтались пятеро пехотинцев, которым, казалось, некуда было себя деть. Но вот по аппарелям сошел «берг», и солдаты двинулись в сторону лесистой дюны.

– Ну вот, я же говорил, – сказал Ферлин, комментируя эту смену, хотя неизвестно, что было хуже, пять пар человеческих глаз или специализированный блок разведки этого робота.

Ферлин оглянулся. Легкие роботы продолжали топтаться

где-то возле беспилотника, передавая видео на борт дискорама. Должно быть, какой-нибудь офицер там сейчас принимал информацию, а потом докладывал в центр о результатах.

Ферлин снова оглянулся, потом поднялся из-за кустов, внимательно глядя по сторонам. Единственный часовой – «берг» – был развернут в противоположную от них сторону, сейчас бы самое время перебежать к лесу, но неожиданно со стороны болота послышалась частая стрельба. Ферлин пригнулся и, осторожно выглянув в сторону разведчиков, увидел, что они увлеченно поливают болото огнем, вздымая фонтаны воды и заставляя раненых игуан бить хвостами.

Роботов подвело несовершенство настроек, а игуан – излишнее любопытство и наглость.

С дискорама последовал приказ, огонь прекратился, пристыженные начальником роботы затрусили обратно. Как только они прошли укрытие беглецов, Ферлин толкнул компаньона в бок:

– Вставай, Джек, сейчас или никогда...

– Но этот, здоровый, он может нас увидеть!

– Нет, он стоит боком. И уж если на то пошло, нас и с дискорама засечь могут, она тоже не слепая. Бежим, другого шанса может не подвернуться.

Вскочив с земли, они побежали вперед, огибая одинокие кустики и перепрыгивая через редкие валуны. Джек мчался, едва касаясь ногами земли и даже сам удивлялся тому, как

ему это удавалось с тяжелым трофеем в заплечном мешке. Но думать было некогда, дыхание кончалось, а ноги немели от напряжения. Едва беглецы достигли лесистой дюны, как где-то впереди застучал пулемет.

Затем все стихло, больше никто не стрелял.

– В кого это они? – спросил Джек, с трудом переводя дух.

– Может, показалось чего, – пожал плечами Ферлин. – Или просто кусты проверять лень, вот и дали очередь на всякий случай.

– Значит, даже если они нас не увидят, то могут вот так запросто пристрелить на всякий случай?

– С нами этого не произойдет, – сказал Ферлин. – Пошли, нужно двигаться.

– Куда двигаться? – спросил Джек, поправив на плече мешок.

– Мы пойдем по обратной стороне дюны, чтобы нас не засекли роботы.

– Но тогда мы встретимся с теми, кто идет навстречу! – заметил Джек, торопливо шагая за компаньоном и стараясь на отставать на глубоком песке.

– Мы услышим их первыми и что-нибудь придумаем. Какой-нибудь фокус...

– Но Ферлин!

– Не ори, на дюне могут прятаться роботы.

– Но Ферлин, – перешел на шепот Джек, забежая вперед. – Может, тебе выдумать этот фокус заранее? И потом, как мы

узнаем, что они идут и пора что-то предпринимать?

– Мы их услышим.

– А если они нас? – не сдавался Джек. Наткнувшись на куст, он едва не упал.

Ферлин остановился и, оглядевшись, сказал строгим голосом:

– Прекрати эту панику, иначе ты нас демаскируешь. Понял?

– Извини...

Они двинулись дальше. Джек попытался отвлечься, глядя на бабочек и летающих ящерок. Однако делать это, зная, что впереди караулят роботы, таинственная дискорама и целый отряд пехоты, было трудно, и вскоре Джека стали раздражать все эти бабочки, цветы и стрекозы. В сложившихся обстоятельствах они казались здесь неуместными.

То ли дело на родной пустоши, никаких тебе бабочек и стрекоз, только водяные мухи. Жестокие, кусачие, бескомпромиссные.

Опасность подгоняла компаньонов, и они двигались быстро, не боясь, что будут обнаружены по следам. Им помогало то, что по лесистой дюне ходило множество народу и она была порядком истоптана, а на сыпучем песке определить свежесть следов было невозможно.

Между тем пятеро пехотинцев уже вовсю орудовали на дюне, и беглецы их вскоре слышали. Солдаты шли, негромко переговариваясь, но, помня о вчерашней перестрелке,

проявляли известную осторожность.

Ферлин обернулся и приложил палец к губам. Затем показал на раскидистый куст с узкими листьями, росший у основания дюны. Джек энергично показал на другой куст, который был таким густым, что за ним и с двух шагов нельзя было ничего увидеть. Но Ферлин отрицательно покачал головой и снова указал на первый куст.

Джек подчинился. Они улеглись на песок, поджав ноги, и стали ждать, напряженно вслушиваясь в разговоры солдат. Но те не говорили ничего особенного – посмотри туда, посмотри сюда. А что будет на ужин? А правда, что у капитана баба в Ловенбрее?

– Смотри, тут какое-то дерьмо, – отчетливо расслышал Джек прямо над их с Ферлином головами.

– Это не дерьмо, это древесные орехи, – возразил другой голос.

– Какие же это орехи, если дерьмо?

– У тебя все дерьмо, Флинт. Жрачка на камбузе – дерьмо, сосед по каюте – дерьмо...

– Ну смотри, вот я наступаю, и твои орехи прилипли к моему ботинку! Это орехи, по-твоему?

– Эй вы, два придурка! – одернул их начальственный голос, должно быть, принадлежавший сержанту. – Прекратите заниматься этим дерьмом и смотрите по сторонам! Что там на склоне, Флинт, кроме дерьма? Ты смотришь?

– Смотрю, сэр, я очень внимательно смотрю...

– Не забывайте, придурки, если мы их пропустим, а лейтенант Кук поймает, с гауптвахты вы вернетесь только к зимним праздникам. Это касается всех, а не только этих двоих придурков.

– Подозрительные заросли, сэр! – подал голос Флинт, которого, видимо, проняло обещание сержанта.

– Ну так проверь их...

Последовала пауза, а затем длинная автоматная очередь прошла пышный куст, который так нравился Джеку. От ужаса он зажмурился и затаил дыхание в уверенности, что их обнаружили.

– Все чисто, сержант, – доложил Флинт.

– Чисто? – не очень весело отозвался начальник. – А не хочешь поговорить об этом с капитаном?

Зашелестела рация – кто-то вышел с сержантом на связь.

– Все в порядке, сэр, просто проверяли некоторые опасные места.

– Бр-да-да-да, бр-да-да! – затараторила рация. Разобрать слова было невозможно.

– Я понимаю, сэр, но и их можно понять, вчера по нам открыли огонь из засады. Нас спасло лишь то, что эти разбойники оказались мазилами.

– Бра-да-да бу-бу...

– Конечно, сэр. Непременно.

Ферлин лежал не дыша, прислушиваясь к тому, что происходило у них над головой. Он хорошо представлял себе и

сержанта, и его солдат. Появилось даже легкое чувство тоски по этой части его собственной жизни, ведь, несмотря на все те ужасы, которые ему пришлось пережить, было там и чувство локтя, и уверенность, что товарищи встанут за тебя горой.

Четыре года рота была его семьей.

Ферлин словно видел, как сержант выключил рацию, строго оглядел четверых солдат, которые, пряча улыбки, были готовы в любой момент продолжить зубоскальство.

– Всё, поперлись дальше, дармоеды. И смотреть в оба. А ты, Флинт, в следующий раз топай к кустику ножками, а не пали по нему. Понял?

– Подставляться под пули дураков нет, – сказал кто-то.

– Да? А капитан сказал, что пустопорожняя стрельба его раздражает. Хочешь с ним поспорить?

Солдаты ушли к болоту, и Ферлин с Джеком двинулись дальше, мимо куста с посеченными ветками и обсыпавшейся листвой.

– Как ты догадался, что они его обстреляют? – шепотом спросил Джек, все еще оглядываясь на злополучный куст.

– Я не догадался. Просто поставил себя на место этих солдат. Мне бы такой куст показался подозрительным, ведь он не просматривается, а тот, за которым мы прятались, сверху совсем прозрачный. Он не внушает опасения.

– А когда ты был солдатом, Ферлин, ты участвовал в таких поисках?

– Да, разок было.

– А кого вы искали?

– Тихо...

Они остановились и стали прислушиваться. По ту сторону дюны явственно слышались шаги гарцевавших роботов. Они пробежали в сторону холмов, и снова стало тихо.

– Мы искали одного гражданского... – продолжил Ферлин, оставаясь на месте. – Он таскал с нашего склада продукты и топливо.

– И что, вы его поймали?

– Мы?

Ферлин вздохнул и, отведя взгляд, сказал:

– Нет, он убежал. Его обнаружили и кто-то в него даже стрелял, но он смылся.

Это была политическая ложь. В положении, в котором Ферлин оказался, он не мог рассказать семнадцатилетнему мальчишке про то, как по освещенному фонарями воришке с трех сторон ударили автоматы.

Да, его обнаружили, и он побегал, уйдя от одной группы, но на выходе из лесочка его поджидала засада, и дело было кончено.

По расчетам Ферлина, они уже давно прошли стоянку дискорамы и страшного «берга», которого он видел в работе и потому боялся больше всего. Этой машине ничего не стоило пройтись по деревьям шрапнельными снарядами, и никакой защиты от подобной обработки не было, одна лишь надежда на удачу. С другой стороны, есть ли в лесу злоумышленники, начальство в дискораме не знало, да и расход боекомплекта пришлось бы как-то объяснять, ведь в корпоративных армиях считали каждую лиру.

Встречного патруля пока слышно не было, и компаньоны шли еще с час, немного привыкнув к ситуации и успокоившись.

Джек перестал паниковать и действовал с необходимой осторожностью. Это радовало Ферлина, он опасался, что у мальчишки сдадут нервы.

Вдруг неясный посторонний звук заставил Ферлина остановиться. Джек встал следом за ним, и вместе они стали прислушиваться.

Как будто было тихо, лишь шелестела листва, стрекотали вездесущие стрекозы да жужжали неизвестные в пустошах жуки. Однако была в этом наложении звуков какая-то чужеродная нота. Она то появлялась, то вновь исчезала.

Прикрываясь разросшимся на склоне кустарником, Фер-

лин и Джек прошли еще метров двадцать и присели в укрытие, чтобы разобраться в природе странных звуков.

Они просидели так несколько минут, не замечая ничего необычного, но затем послышался металлический щелчок, а за ним легкий звон – цин-цин-цин-цин. И снова – щелчок и звон – цин-цин-цин-цин.

Ферлин попытался рассмотреть что-то из зарослей и вскоре обнаружил робота-разведчика, который стоял в трех метрах над ними и, глядя куда-то в сторону голых дюн, поигрывал пушкой, спуская ударный механизм и прокручивая ротор подачи патронов.

Поскольку патронопровод был перекрыт, ничто не мешало ему так упражняться, однако Ферлин видел подобное впервые, хотя часто чинил эти машины.

Если бы встречный патруль был близко, присутствие робота стало бы лучшей возможностью обмануть солдат, ведь тогда он сыграл бы роль своеобразного прикрытия. Правда, патруль мог следовать заодно с вездеходами – по одному с каждой стороны дюны, и тогда подобная ситуация обернулась бы ловушкой.

Робот недолго испытывал терпение беглецов, получив какое-то указание, он зажужжал подачей и пошел прочь, то ли в глубину лесной зоны, то ли на другую сторону дюны. А Ферлин и Джек посидели еще минуту, прежде чем двинуться дальше – незаметность и бесшумность такого часового произвела на них впечатление.

Если бы он не играл пушкой, они могли попасться.

Какое-то время после этой встречи компаньоны шли медленно, но затем вернулись к прежнему темпу и прошагали так еще полтора часа. Ферлин уже стал подумывать о том, что главный патруль ушел с дюны, признав поиски бесперспективными, но в то же время он понимал, что поддаваться этому чувству нельзя, каким бы желанным это ни казалось. Случалось, что на передовой, измотавшись в боях и маршах, солдаты подсознательно отключали осторожность, переходя в выдуманную ими безопасную реальность. Обычно таких людей госпитализировали, если, конечно, успевали.

Ферлин постоянно себя одергивал, настораживал, предупреждал, и это ему помогло, он первым услышал приближающийся патруль, а не патруль его.

Сначала дали о себе знать вездеходы, гусеницы которых стрекотали слишком громко. Обе машины двигались вдоль наружной стороны дюны, где стояла дискорама.

По уже отработанной схеме Ферлин и Джек спрятались в не слишком густом кустарнике под самым склоном, предоставляя солдатам подозревать какие угодно кусты, только не их убежище.

В этом патруле солдат оказалось значительно больше, чем в первом, поэтому шли они частой цепью и больше уделяли внимание склонам.

Ферлин устал от этой игры и надеялся, что патруль пройдет быстро, однако наверху что-то пошло не так.

– Очень интересно, кто это там прячется? – словно из пушки, прогремело над головами беглецов.

Джек и Ферлин переглянулись, затем старший компаньон стал быстро сматывать с ружья ветошь. Потом тихо, без щелчка, вставил магазин с четырьмя патронами и, взяв у Джека мешок, прошептал:

– Сейчас я выстрелю и побегу, ведь они не знают, что нас двое. А если меня поймают, то найдут объектив, и все свяжется воедино. Ты же останешься ни при чем.

– Ну что, сам выберешься или мне твою задницу свинцом напиговать? – настаивали сверху, и Ферлин понял, что тянуть больше нельзя, иначе убьют обоих.

Это секундное замешательство спасло его. Наверху раздался смех, и уже другой голос произнес:

– Ну что, Браницкий, не работает твой театр!

– Что значит не работает? Если бы там кто-то был, он бы уже выскочил и сдался.

– Что-то пока никто не выскакивал, хотя ты за два часа уже целый спектакль сыграл.

Снова слышались смех и обиженный голос Браницкого:

– В любом случае, сэр, это лучше, чем палить по кустам и потом объясняться с капитаном.

– Ну ты еще поучи меня, артист...

Потратив на обратный путь слишком много времени, компаньоны в полной темноте добрались до холмов и устроились на ночлег под невысоким деревом, выгнав из-под него целое семейство крыс.

– Вот здесь и устроимся, а уже завтра, с утраца, рванем домой.

– Ох, да... – произнес Джек и не сел на землю, а обрушился, словно подмытый водой глиняный берег.

– Хорошо, что тут песок, даже подстилки не нужно, – заметил Ферлин.

– Мне все равно. Я усну как угодно.

– А ужин, Джек?

– Какой ужин, ты что, издеваешься? Спроси меня, как я себя чувствую?

– Ну и как ты себя чувствуешь?

– Никак не чувствую... Никак, и все тут...

– Разуваться будешь? – спросил Ферлин, снимая сапоги.

– А смысл? Не сниму сапоги, ноги буду сырыми, сниму сапоги – ноги замерзнут. В тот раз хоть трава была сухая, а сейчас только песок.

– Снимай, здесь теплее, чем в низине да возле воды.

– Ох, совсем не хочется двигаться, – простонал Джек, лежа под деревом.

– Может, все же сыру? А то ведь времени поесть не было.

– Да я про еду даже не вспомнил. Пока не стемнело, так и думал, что сейчас выскочат из засады и начнут палить. Ужас просто.

Ферлин улыбнулся. Его и самого до самых холмов не отпускала эта тревога. Будь начальник в дискораме поумнее, он оставил бы до ночи засаду, и дело было бы сделано. А так только шум один.

Достав сыр, Ферлин отрезал два ломтя и отметил, что еды хватит еще и на завтрак. Один кусок он подал Джеку, и тот стал нехотя жевать.

– Нет, Ферлин, больше я на твои уговоры не поддамся. Я думал, охота на маронского гуся, думал, мяса поем, а тут настоящий фронт. Передовая!

– Ну, до передовой далеко, однако временами порохом пахивало. А мяса ты все равно наешься. Если я обещал, значит, так и будет.

Дожевывали сыр они молча. Потом допили воду из фляжки, и Джек спросил:

– Точно дашь мяса?

– Точно.

– А откуда возьмешь?

– У меня уже добыча поймана.

– А какая добыча, большая?

– Большая, мать будет довольна. Наварит тебе, нажарит, и будешь ты кушать и говорить: «Ай да Ферлин, ай, спасибо

ему за мясо нежное, словно у курицы».

– У курицы? – оживился Джек и сел.

– Ну курица, и что?

– Ты ел курицу, Ферлин?

– Да, ел. Мы тогда стояли под Кюнстином, городок такой был. Там имелась собственная куриная ферма, и нам через день давали на ужин по куску курицы.

– Ух ты, счастливчик! – восхищенно произнес Джек и по-двинулся к Ферлину. – Ну и как она?

– Очень вкусно. Мне нравилось, я всегда добавки просил.

– И давали?

– Конечно.

– Ух ты!

Сонливость и усталость Джека как рукой сняло. Информации о курице в их краях было мало, хотя он слышал, что в Ловенбрее несколько кур живут в вольере в зоопарке.

Говорили даже, что их специально охраняют, потому что много раз на них покушались похитители. А еще в деревне говорили, будто один богач выкупил у зоопарка одну курицу за десять тысяч лир и сожрал ее в одиночку.

– Однажды я видел кино, где ели курицу, – признался Джек. – Но ее показывали совсем недолго, что-то там на тарелке. Я этот момент четыре раза пересматривал, но так ничего и не разглядел. А мужчина и женщина, которые там за столом обедали, так ничего про эту курицу и не сказали, только про любовь да про любовь. Кому это интересно?

– Только не говори мне, что ты хочешь попасть в армию именно для того, чтобы поесть курицы, – с усмешкой произнес Ферлин.

– Ну нет, конечно, не только из-за курицы, а ради заработка. Но о курице я тоже думал. А вот скажи мне, – Джек снова заерзал, пододвигаясь к Ферлину, – вот скажи, курица, она какая?

– Да я ее никогда не видел, только на фотографии.

– У тебя есть фотография?

– Какой-то старый журнал в углу валяется, там вроде есть изображение курицы.

– Дашь посмотреть?! – возбудился Джек.

– Да я его тебе подарю, если не потерялся. Мне он ни к чему.

– Здорово! – воскликнул Джек и хлопнул Ферлина по спине. – Но вот ты ел мясо, оно какое?

– Ну, у курицы бывает белое мясо и темное. Белое – это грудка, а темное – ножки.

– Грудка, – замороженно произнес Джек. – И что, два вида мяса на одной курице или есть курицы с белым мясом и отдельно курицы с черным?

– А вот этого я не знаю, – признался Ферлин. – Знаю только, что она птица, как и утка...

– Утка? Что такое утка?

– Ну, утка – это такая тоже вроде курица, только плавает по воде. Курица – сухопутная, а утка – водяная.

– И ты ел утку?

– Нет, не довелось, но я знал одного парня из нашей роты, который этими утками обедался. У его отца на ферме их были десятки.

Джек вздохнул и ненадолго замолчал.

– Подумать только, Ферлин, какие бывают развитые страны и всякие прочие земли. Люди там питаются курицами и утками. А чем питаемся мы?

– Козьим сыром. Отличный сыр, между прочим, передай матери мои благодарности.

– Да сыр-то хороший и молоко неядовитое, хотя козу кормим ельневыми водорослями, а это чистый анификсин. Так, кажется, он называется?

– Да, раньше его в химических боеприпасах использовали. Они наносили страшные повреждения.

– Вот-вот, поэтому весь козий помет я сметаю в специальное ведро и уношу на глиняный склон, чтобы закопать.

– Захоронение токсичных отходов...

– Что?

– Я говорю, по-научному это называется захоронение токсичных отходов.

– Да. А у птиц небось дерьмо закапывать не нужно. Мне Петер-толстяк рассказывал, что в южном полушарии водятся птицы-альбатросы. Огромные такие птицы, они летают над болотами и ловят игуан. Куры, кстати, ловят игуан?

– Не знаю, приятель. Вот найду журнал и отдам тебе, мо-

жет, там вместе с фотографией что-то и написано. А теперь давай спать.

– Давай, – согласился Джек и снова привалился к дереву, однако сразу уснуть не мог, продолжая раздумывать над феноменом птицы курицы.

Ферлин оказался прав, утром, несмотря на отсутствие сапог и сухой травы для утепления, ноги у Джека почти не замерзли. Размотав портянки, он лишь слегка растер их и полностью восстановил кровообращение.

Ферлин молча подал ему флягу для утреннего глотка воды, а потом кусок сыра.

– А в этот раз я выспался намного лучше, – сказал Джек, потягиваясь и пережевывая сыр.

– В этот раз мы и спали побольше. Видишь – солнце уже взошло, но из-за холмов еще не показалось.

– Ну и куда мы теперь двинем? По домам? – спросил Джек, натягивая отсыревшие сапоги.

– Что значит по домам? Мать спросит, где твои трофеи, а ты что скажешь?

– Ну ты же потом что-то принесешь мне?

– Джек, если мясо принесу я, это будет не то. Поэтому мы сейчас поднимемся и, не спускаясь на пустошь, прямо по холмам двинем до Черного затона.

– На Черном затоне ничего не ловится, там слишком глубоко.

В ответ Ферлин лишь улыбнулся.

– Следуй за мной, боец, и сам все увидишь.

Через четверть часа они подошли к череде Невельских

холмов и начали подъем по тому же маршруту, по которому накануне спускались.

Теперь у Джека была возможность лучше оценить красоты заросших лесом дюн и контрастировавшей с ними здешней пустоши, а когда они вышли на самый верх, то с вершин стала видна пустошь, на которой они жили. Ее вид наводил тоску.

Ни лесов, ни белого песка дюн, даже склоны холмов, обращенные к Хуторской пустоши, выглядели пустыми и безжизненными, в то время как с другой стороны на пологом склоне колыхались травы и шелестели листьями небольшие деревья и густой кустарник.

Примерно час компаньонам понадобился на то, чтобы дойти до нужного места на холмах и спуститься к Черной заводи, которой гнушались все ловцы сапиг, ведь для успешного лова требовалась прозрачная вода и небольшая глубина. Тогда ловец медленно двигался по дну, высматривая добычу, а когда замечал притаившуюся на дне сапигу, опускал в воду приготовленный деревянный прутик с деревянным же крючком, на который крепко насаживали подгнивший плод коричневой водоросли, называемой «речная пальма».

Запах привлекал сапигу, она начинала медленно приближаться к наживке, и ловцу требовалась большая выдержка, поскольку в этот момент он должен был оставаться неподвижным.

Если наживка вызывала у сапиги доверие, она начинала

ее заглатывать, проталкивая в пищевод вместе с деревянным крючком и прутиком. Как только ловец считал, что его снасть заглочена сапигой достаточно глубоко, он подсекал добычу и перехватывал ее рукой.

Поскольку на Черной заводи глубина была большая, а вода мутная, ловить здесь сапиг никто не пытался, а если кто и пытался, быстро разочаровался в этом.

Но это не касалось Ферлина, который решительно вышагивал вдоль кромки воды, не боясь распугать сапиг, которые, по мнению Джека, могли находиться возле берега.

– Послушай, Ферлин, если ты будешь так топать, все сапиги разбегутся, тебе не кажется?

– Наша сапига уже никуда не убежит.

– Почему?

– Потому что она уже поймана.

Сказав это, Ферлин шагнул с берега, сунул руку в воду и вытащил закрытую плетеную корзину, в которой, без сомнения, находилась какая-то добыча.

Подержав корзину, пока не стечет вода, Ферлин поставил ее на берег и, сделав приглашающий жест, сказал:

– Смотри, приятель, эту добычу ты отнесешь матери.

Джек снял с плеча мешок и, присев рядом с корзиной, открыл крышку, которая была заперта на самодельную защелку. Потом заглянул внутрь и ахнул! Там извивалась здоровенная сапига, весом, наверное, килограммов в семь.

– Но как, Ферлин? – воскликнул Джек, вскакивая. – Как

ты заставил ее идти в самоловку? Сапиги не идут в корзины, это все знают!

Ферлин самодовольно улыбнулся.

– Да, хотя она всего лишь большой плоский червь, у нее хватает ума не лезть в самоловку, но существуют другие способы заманить ее.

– Какие?

– Бери и неси корзину домой, может, и сумеешь разгадать загадку. Только тросик мне потом верни.

– Какой тросик?

– Когда будет разделявать сапигу, поймешь, какой. Пойдем, пора нам уже и к дому прибаваться.

Джек подобрал мешок, поднял тяжелую корзину, и они двинулись в направлении своих хуторов, до которых им было по дороге.

Довольный Джек тащил увесистую добычу, с его лица не сходила улыбка. Молодец Ферлин, не обманул, а уж как мать обрадуется...

– Слушай, выходит, ты придумал способ, как загонять их в корзину? – спросил Джек, которому тайна поимки такой крупной сапиги не давала покоя.

– Придумал, Джек.

– И что, больше этого способа никто не знает?

– Никто, Джек.

– А если за тобой проследят? Ты думал об этом?

– Уже следили, – сказал Ферлин и засмеялся. – Старик

Друмпель.

– Старик Друмпель? Он следил за тобой? Но как он узнал?

– Мы встретились с ним однажды недалеко отсюда, а я как раз нес корзину с сапигой. Поздоровались и пошли дальше, но я заметил, какими глазами он на мою корзину глядел.

– Завидущими?

– Точно. Должно быть, понял, что там и откуда я это несу. Через два дня я в деревне был, в лавку ходил, обратно иду, так он за мной увязался. Следит, стало быть. Ну, я сразу на заводь пошел, чтобы ему урок подать. Пришел на место, сделал снасть из прутика и сел у берега, как будто я так всегда ловлю. А он за всем этим наблюдал из-за кустов. Но потом я посмотрел на часы и как будто о каком-то деле вспомнил. Забрал прутик и ушел, так этот бедняга весь день до вечера с таким же прутиком просидел, а потом я его там и на другой день видел.

Джек засмеялся, довольный тем, как провели старика Друмпеля. Разговора на эту тему им хватило до места расставания, где Джеку следовало сворачивать к своему хутору.

Он отдал мешок Ферлину, перекинул корзину в другую руку и, сказав: «Пока, Ферлин», – пошел домой, однако компаньон окликнул его:

– Постой, Джек!

Тот остановился, и Ферлин подошел ближе.

– Я чего сказать-то хотел, ты матери ничего не рассказывай. Ходили на болото за крупной сапигой, только и всего.

– Ну конечно, Ферлин, я ж не маленький, понимаю.

– И еще один вопрос: ты в другой раз хочешь составить мне компанию или с тебя достаточно?

– Ну, вообще-то я не против, – немного подумав, ответил Джек, щедрый трофей сгладил впечатление от приключений на дюнах. – А что в этот раз?

– Мы добыли объектив, теперь нужно превратить его в деньги.

– Как это?

– Продать.

– А кому?

– Есть люди.

– А зачем тебе я, Ферлин? Я никогда не продавал такие штуки.

– Для солидности.

– Но хоть там-то в нас стрелять не будут?

– Да не должны, – без особой уверенности ответил Ферлин. На том они и расстались.

Поднимаясь на невысокое, в три ступеньки, крыльцо, Джек старался топать как можно громче, чтобы придать значимости своему триумфальному возвращению.

– Ма! – позвал он, входя в небольшую прихожую.

– Ма-а-а! – повторил он, поставил корзину и начал стягивать отяжелевшие от сырости сапоги.

– Ма! – позвал он в третий раз, заходя в комнату.

– Ну чего ты раскричался? Здесь я, на кухне...

Джек нагнул голову, чтобы протиснуться под низкой балкой пристройки, и оказался в небольшом помещении со скругленными углами. Прежде их кухня была какой-то емкостью, а потом ее притащили сюда, вырезали окна, и она стала кухней.

– Чего делаешь? – спросил Джек, стараясь сдерживаться, чтобы не начать хвастаться сразу.

– Картошку варю, – сказала мать и, вытерев руки о фартук, увидела стоявшую на полу корзину.

– Это чего у тебя там?

– Мясо, мам! – широко улыбаясь, сообщил Джек.

Он снял крышку.

– Ну-ка, загляни...

Мать несмело приблизилась и, заглянув в корзинку, всплеснула руками:

– Ой, какая огромная!

– Давай безмен, я ее взвесить хочу!

– Ой, да где ж ты ее взял, такую громадную? – стала расспрашивать мать, доставая из шкафчика весы.

– Это мы с Ферлином поймали.

– Так ты ж говорил, что за холмы пойдете, охотиться...

– Ну, не получилось, планы изменились, – ответил Джек и, вывалив извивающуюся сапигу в пластиковый мешок, заметил, что из нее через ротовую полость вытянулся тонкий тросик, который оказался привязан изнутри ко дну корзинки. Недолго поудивлявшись, Джек подцепил мешок на крюк безмена и поднял, глядя на показания стрелки.

– Ух ты, мам, семь с половиной кило!

– Обалдеть какая здоровая! – произнесла потрясенная мать. – Нам этого на полтора-два месяца хватит.

– Да ладно, мам, полтора-два месяца, не надо экономить, будем есть от пуза, а как доедим, я еще поймаю.

– Ой, да куда ж мы ее... – засуетилась мать, освобождая стол для большой добычи. Затем достала новую широкую клеенку и, расстелив на столе, положила сверху разделочную доску, которой пользовалась очень редко.

– Ну, вроде все, – сказала она. – Клади.

Джек вывалил сапигу на стол и, придерживая ротовую часть, в которой были мелкие, но очень острые зубы, вытянул сапигу во всю длину.

– Все, мам, хватай за голову, а я пойду. Устал очень, по-

сидеть хочется...

– Иди-иди, сынок, дальше я сама, – сказала мать и, перехватив сапигу за голову, свободной рукой достала из шкафа разделочный нож.

Джек сполоснул руки под рукомойником и вышел в комнату, которая одновременно считалась гостиной и спальней матери. А еще одна пристройка, половинка военного мини-трейлера, служила персональной комнатой Джеку.

Там у него имелись столярные инструменты, небольшой верстак, несколько настенных полок, на которых была навалена всякая всячина и стояли четыре книги. А еще был шкафчик, который Джек сам собрал из зеленой лозы и плоских металлических планок. Планки эти, петли и защелки он набрал на старой военной свалке, где этого добра было навалом, если не лениться копать. А вот досок в пустоши было не достать, леса здесь не росли, а тащить древесину из-за Невельских холмов дураков не находилось. Однако Джек заметил, что зеленая лоза, которую он срезал и приносил домой сырой, при высыхании принимала любую форму. Тогда он стал намеренно отбирать подходящие прутья и класть на них камни. Когда материал был готов, оставалось только обрезать его по размеру и прикрепить на металлические планки стальными шурупами, которых Джек натаскал целое ведро.

Теперь в этом шкафу на связанных из лозы плечиках висело несколько курток – на разные времена года – и полдю-

жины подштанников. А в ящиках под ними были сложены стопки нательного белья и чистых портянок. И только теперь, скинув грязную сырую одежду и открыв шкаф, Джек впервые задумался о происхождении всего своего гардероба.

Его мать получала от почтового ведомства пятнадцать лир в месяц за то, что отработала там двадцать пять лет. Этих денег хватало лишь на соль, спички, перезарядку химических картриджей для электричества и еще кое на какие мелочи. Обычную одежду за такие деньги было не купить, но на развалах старьевщиков в пригороде Нура постоянно появлялись приличные вещи казенного происхождения.

Чтобы попасть на удачную распродажу, мать выходила из дому в три часа ночи, встречалась в деревне с несколькими женщинами, и они шли пешком в Нур, чтобы попасть на торжище к восьми часам утра. Позже весь дешевый товар разбирали, но те, кто приходил к открытию, получали самое лучшее.

Прежде Джек не задумывался, отчего все население пустошей выглядит как военизированная организация, однако, пообщавшись пару суток с Ферлином и узнав у него о причинах возникновения пустошей, Джек стал по-иному смотреть даже на свои повседневные штаны.

Взяв чистую пару, он посмотрел на аляпистое химическое пятно овальной формы. Это был штамп, на нем просматривались какие-то буквы, но очень нечетко.

Джек подошел к окну и растянул материю, чтобы остался

один слой, отчего потерянные части букв стали проявляться четче.

«Карсдоумский орденоносный полк им. герцога Маренцы. Отдел тылового снабжения».

Прочитав эту проступившую вдруг надпись, Джек отбросил штаны и, бросившись к шкафу, стал рыться, пока не нашел пару подштанников с круглой печатью. Разобрать ее надписи было сложнее, но и здесь была своя история:

«Отдельный гарнизон города Стортинга. Четвертая рота. Да здравствует Цинельская армия».

Увлеченный этими открытиями, он в своем собственном гардеробе отыскал еще дюжину различных печатей с инвентарными номерами, которыми тыловики прошлого помечали казенные вещи. А теперь, спустя столько лет, Джек носил эти же мундиры и солдатские штаны, и это роднило его с солдатами давно ушедших эпох. Да что его? Это роднило с прошлым всех жителей пустошей, ведь даже их дома выглядели как модули военной базы, поскольку в них преобладали цвет хаки и маскировочная раскраска, а состояли они из остовов кабин связи, срезанных автокунгов, перевозочных трейлеров и емкостей самых разных назначений. Попадались хозяева-счастливчики, оккупировавшие двухъярусные доты, а склочный старик Друмпель проживал в корпусе самоходной трехсотмиллиметровой осадной мортиры, само орудие которой было откручено и с помощью восьми лошадок-пони из соседней деревни вытянуто наружу.

Оно так и валялось рядом с «домом» Друмпея, и никто не знал, куда его можно пристроить.

Какое-то время Джек сидел под впечатлением от сделанных открытий, пока не появилась мать.

– Ты не уснул тут? А вещи зачем разбросал?

– А? – очнулся Джек. – Это я сейчас уберу...

– И давай, подтягивайся к кухне, добытчик. Сапига жарится быстро!

– Да-да, мам, я уже и запах чувствую, – сказал Джек, быстро складывая разбросанные подштанники.

Когда он пришел на кухню, мать уже выкладывала на тарелку поджарившиеся на сковороде ломтики мяса.

– Ух ты, сколько жира! – заметил он.

– Да, такую сапигу даже варить можно, – сказала мать, поглядывая на сложенные в тазу куски розоватого мяса.

Не дожидаясь, пока остынет, Джек принялся за еду. Мясо действительно оказалось нежным, хотя среди ловцов бытовало мнение, что крупные сапиги несъедобны и будто они навсегда остаются ядовитыми, как в брачный период, когда их не ловят.

– Вкусно, мам... Наверное, не хуже, чем курица...

– Курица? – переспросил мать и вздохнула. – Я тоже однажды ела курицу.

– Ты ела курицу?! – воскликнул Джек и даже перестал жевать.

– Да, я ела курицу, – с достоинством произнесла мать и

приосанилась.

– Но почему ты никогда мне об этом не рассказывала?

– Я не придаю этому такого значения, как ты.

– А Ферлин обещал подарить мне фотографию курицы! У него в журнале имеется! А где ты ее ела?

– Я ела ее, когда была совсем молодой и работала в почтовом отделении Ловенбрея, – стала рассказывать мать. – За мной тогда ухаживал один капрал из военной полиции, так он однажды повел меня в ресторан и заказал блюдо из курицы.

– Из белого мяса или из темного? – с видом знатока поинтересовался Джек.

– Да я и понятия не имею. Там было что-то на тарелке, политое соусом. Ну я пожевала, проглотила. Было вкусно, только и всего...

– Эх ты, вот если бы я попробовал курицу, мне было бы о чем рассказать...

Полковник Цинлер дочитал отчет до конца и тут же начал заново, чтобы не упустить ни одной детали. Он уже знал, что на четвертом участке района появились проблемы и теперь ему предстоит дать службе безопасности задание с такими четкими установками, чтобы те не делали лишних телодвижений – куратор корпорации следил за этим очень внимательно.

Корпорация нанимала самых лучших специалистов, платила им высокое жалованье и требовала, чтобы они придерживались принципа оптимальной экономии. Ни одной лиры не должно было уйти впустую. На государственной службе Цинлер мог сказать, например: «Левин, пошли туда каких-нибудь ребят, и пусть посмотрят, что там да как» – и забыть об этом еще на месяц, но на службе у частного работодателя приходилось выражаться более конкретно.

Вот и этот кабинет был обставлен в стиле минимализма. Вся мебель – пластик под металл и дерево, окна фальшивые с фотопанорамами, а сам офис располагался на двадцатиметровой глубине в старом и даже древнем бомбоубежище.

Когда Цинлер служил в государственной армии, его кабинет был вдвое больше, а мебель в нем стояла только из дуба и ореха. Окна были огромными, со светофильтром переменного светопропускания, а в шкафу имелся бар, который

раскрывался одновременно с выдвижной стойкой.

О кофеварке и сигарном ящичке и вспоминать не стоило. Но при этом государство платило ему двенадцать тысяч лир, а корпорация «Крафт» – двадцать восемь. Было отчего смириться с отсутствием сигарного ящичка.

Нажав кнопку интеркома, Цинлер произнес: «Левина ко мне...»

И всё. Больше ничего не требовалось. Причем если на прежней службе он мог сказать это своему секретарю, то здесь секретарем для всех служил специальный координатор. Обезличенная штатная единица, которого нельзя было послать за коньяком, потребовать от него сводить тещу в театр или снять в гостинице номер и ровно к двадцати ноль-ноль привезти туда девок.

Вскоре на информационной панораме, размещенной над входной дверью, появилась надпись: «Майор Левин вышел из кабинета».

Через полминуты ее сменила другая: «Майор Левин прошел галерею четвертого уровня».

Потом были: «Майор Левин поднимается в лифте», «Майор Левин идет по коридору третьего уровня» и «Внимание, майор Левин стоит у вашей двери...».

Дверь автоматически открылась, и на пороге действительно стоял майор Левин, а за его спиной ходили по коридору другие служащие – из-за режима оптимальной экономии в кабинетах офиса отсутствовали приемные и все двери от-

крывались в коридор.

– Разрешите войти, сэр?

– Входи скорее, майор, терпеть не могу эту вокзальную беготню. Хорошо, хоть звукоизоляция хорошая.

Левин вошел, дверь за ним закрылась, и Цинлер перевел дух. Целостность границ его офисного владения была восстановлена.

– Садитесь, – бросил полковник, снова возвращаясь к прочитанному отчету.

Майор сел и принялся неслышно барабанить пальцами по принесенной с собой папке, ожидая, когда ему сообщат о цели вызова.

Впрочем, как сотрудник отдела службы безопасности, Левин уже получал информацию о том, что в Восемнадцатом районе, за которым он был закреплен, все чаще стали происходить всякие неприятные вещи, а значит, вызов к начальнику района был лишь делом времени. И вот это время настало, а каменное выражение лица полковника Цинлера не предвещало службе безопасности ничего хорошего.

Наконец он отложил планшет и поднял глаза на майора. Тот перестал барабанить по папке и сел ровнее.

– Ну и где ваша работа, Левин? – спросил полковник, взирая на Левина, как на пойманного в супермаркете воришку.

– Простите, сэр? – переспросил Левин, он знал, что ответа на поставленный полковником вопрос нет. Это был не вопрос, это был способ измучить подчиненного.

– У вас что, плохо со слухом, майор?

– Нет, сэр, благодарю вас, со слухом у меня все в порядке.

– Тогда к делу. Второго числа аппарат дистанционного контроля сбивают на втором участке района, двенадцатого числа на шестом. Семнадцатого снова на втором, а теперь, двадцатого и двадцать первого, падают два а-дэ-ка на четвертом...

– Мне известно об этом, сэр. Второй участок нами уже зачищен, над шестым мы работаем, в четвертом тоже примем меры, тем более что там уже проведена успешная операция и двое злоумышленников уничтожены.

– Я читал отчет об этой операции, Левин. Я еще не научился читать! Вы пристрелили каких-то идиотов, вандалов, которые просто разнесли аппарат вдребезги, а вот профессионалов, которые ювелирно положили машинку на воду и аккуратно вытащили фоноскоп, вам поймать не удалось. Это не означает, что полдела вы уже сделали, это означает, что вам лишь слегка повезло и первые дураки попались сразу...

– Да, сэр, нам определенно повезло, но это еще не значит, что мы не доведем дело до конца.

– До конца или не до конца, Левин, это все частности. Хорошо, что вы там стреляете и в кого-то даже попадаете, но посмотрите, какая тенденция – нападений все больше, черный рынок фоноскопов ширится. А наши поставщики, эти двуличные мерзавцы, скупают фоноскопы у воров и нам же перепродают с новыми номерами. Мне жаловались из инже-

нерной службы! Им пришел фоноскоп для восстановления разворованного а-дэ-ка, а когда они начали его ставить, оказалось, что на нем сохранились монтажные метки, те же, что и на основании рамы аппарата. Представляете? Аппарат был сбит, фоноскоп украден, снова продан поставщикам и вернулся на прежний аппарат за денежки корпорации. Сказка!

– Сэр, мы приложим все силы, чтобы разобраться с этой ситуацией.

– Итак! – полковник хлопнул ладонью по столу, и Левин вытянулся, сидя на стуле.

– Итак, приказываю провести на четвертом участке оперативно-розыскные мероприятия и устранить этих зенитчиков, а также всех, кто способствует организации черного рынка запчастей а-дэ-ка... Я понятно излагаю?

– Так точно, сэр, понятнее некуда.

– Тогда исполняйте. Можете идти.

Майор поднялся со стула и направился к двери, но в последний момент полковник его остановил.

– Майор Левин!

– Да, сэр! – ответил тот, поворачиваясь.

– Левин, пару слов из другой оперы... Вы... – Полковник почесал переносицу, раздумывая, стоит ли спрашивать. – Одним словом, один мой знакомый просил у меня узнать, знаю ли я кого-нибудь, кто посещал это разрекламированное «Веселое подворье». Вы ведь там бывали?

– Да, сэр, – вынужденно признался майор, ожидая како-

го-нибудь подвоха.

– Ну, я, конечно, не для себя, а для знакомого хочу поинтересоваться – как там вообще? Как в рекламе или как всегда?

– Ну, и так, и эдак, всего понемногу. Пиво – дрянь, брать не советую. Коньяк приличный, портвейн тоже. А вот так называемые натуральные вина я бы не советовал. И закуску лучше брать из салатов, горячее у них не очень...

– Понятно, – кивнул полковник. – Ну а как там культурная программа?

– Варьете? – не понял майор.

– Нет, когда уже после коньяка и варьете. Почему за час и все такое?

– То есть вы говорите об...? – не договорил майор, надеясь, что полковник закончит за него.

– Да, я говорю «об», майор.

– За час от семидесяти до ста двадцати в зависимости от разряда. А за ночь пятьсот. По-моему, дорого.

– Ну, не дороже, чем в клубе «Лоук».

– Не знаю, сэр, не бывал.

– Ну, вы не бывали, а мой знакомый бывал. До свидания, майор, и помните мои наставления.

Дверь отдела распахнулась, и вошел капитан Гринберг, в шлеме, в черном запыленном «бронике» и с автоматом на ремне.

– О, Патрик! Ты прямо с пикника? – спросил его капитан Леклерк, отрываясь от каких-то запутанных схем, наложенных поверх плана городских кварталов.

– Как видишь, чернильный нос, – огрызнулся тот и, сбросив со стола какие-то бумаги, положил на него автомат. Затем снял шлем, провел ладонью по взмокшим волосам и сел на стул, с наслаждением вытягивая ноги.

– Где были-то? – спросил Леклерк, отвечавший в отделе за расследование и поиск.

– На восьмом участке.

– А что там?

– Народные волнения, блин. Толпа пыталась штурмовать склады корпорации.

– И что, постреляли?

– Нет, толпу не тронули, но местных боевиков шуганули основательно, даже «бергу» работа нашлась.

– А точно тех шуганули?

– Точно. У нас в днище дискорама пробоина осталась от их приветствия и еще один раненый.

– Основательные ребята, – с уважением заметил Лек-

лерк. – Сам-то стрелял?

– Чуть автомат не расплавился, – ответил Гринберг и погладил вороненую сталь. – Так они, хитрецы, нас между холмов заманивали, чтобы сверху бить. Знают, что у дискорама крыша небронированная.

– Дискорама – это хороший трофей, в ней навалом всяких нужных в хозяйстве вещей.

– Тебе смешно, а у меня пилот чуть не поседел, когда на весу к скальной площадке аппарели пристраивал.

– И что потом? – заинтересовался Леклерк, отодвигая планшет.

– Выпустил «берга». Тот встал на площадке, откуда всех засранцев было видно как на ладони, и начал по ним садить. Правда, боеприпасов на миллион сожгли, но зато можем закрыть графу «уничтожение мятежного соединения». У нас и видео есть.

– А кто ранен-то?

– Рядовой Флинт...

– Флинт? Ты же говорил он удачливый? Вроде и пули мимо него пролетают?

– Так солдаты говорили, но, видимо, ошибались.

– Ну а чего ты сюда приперся? Иди домой, пей пиво, сегодня до вечера ты герой.

– Ага, сейчас, – с драматическим сарказмом произнес Гринберг. – Уже позвонили, говорят, будет еще один вылет.

– Какой же вылет, если в дискораме пробоина?

– Дискорама уже в ремонтном доке, латают ее. А полетим на резервной.

– Она же малоподъемная. Вы в нее даже не уместитесь.

– Полетим усеченным составом. Пехота, один разведчик и один вездеход.

Гринберг вздохнул и, сняв перчатки, пододвинул ближайший стул, чтобы забросить на него ноги и подремать. Но тут дверь в отдел распахнулась, и в нее заглянул их начальник – майор Левин.

Судя по злой усмешке, застывшей на его лице, ни Леклерка, ни Гринберга не ожидало ничего хорошего.

– Так! – произнес Левин. – Оба здесь. Это хорошо... Гринберг!

– Я здесь, сэр! – отозвался капитан, поспешно поднимаясь.

– Немедленно ко мне!

– Есть, – ответил Гринберг, пожимая плечами в массивных накладках.

– Леклерк!

– Я! – браво ответил Леклерк и вскочил со стула.

– Тебе приготовиться...

Майор захлопнул дверь, и в отделе воцарилась тишина, слышно было, как стрекочет вытяжной вентилятор.

– Что это с ним? – спросил Гринберг.

– Обычное дело. Вернулся от полковника Цинлера, тот вылил на него ведро дерьма, так что теперь наш начальник этим дерьмом будет с нами щедро делиться. Ты первый.

– А тебе приготовиться...

– Автомат захвати, может, отобьешься.

– Вот пойдешь к Левину, там и пошутишь, – огрызнулся Гринберг и вышел в коридор. Дверь кабинета майора находилась всего в нескольких шагах и при приближении капитана Гринберга автоматически открылась.

– Разрешите войти, сэр? – спросил капитан.

– Входи, Гринберг, входи. Заждался уже тебя, – многозначительно произнес майор Левин, кабинет которого был вдвое меньше, чем у полковника Цинлера, а письменный стол значительно уже.

Вместо двух фальшивых окон имелось только одно, и выбор законных пейзажей был значительно ограничен.

Капитан вошел, дверь закрылась, и Левин указал подчиненному на стул.

Тот сел и огляделся, словно был здесь впервые. Гринберг не хотел играть с начальником в многозначительные пере-

глядывания. Лучше сразу начать разговор, все выслушать, повиниться, пообещать и убраться восвояси.

– Ты чего такой грязный? – начал разнос Левин.

– Я только с задания, сэр. С боевой операции.

– Да мне по барабану, с какой ты там операции! – перешел на крик Левин. – Если грязный, сиди у себя там в ангаре, а если в офис прешься, тем более по вызову начальства, будь добр соответствовать!

– Учту, сэр. Больше не повторится, – прервал начальника Гринберг, давая понять, что тема исчерпана.

– Не повторится у него больше... – пробубнил Левин, собираясь с мыслями. – Вы все только обещаете... Ага, вот! Ну и где твоя работа, Гринберг? Где, я спрашиваю, результаты?

– Мы сегодня отстояли склады корпорации, уничтожили соединение мятежников... Имеются видеоподтверждения...

– Да ты знаешь куда засунь свои видеоподтверждения?! Почему а-дэ-ка падают? Почему, я тебя спрашиваю?

– Сэр, мне их охранять, что ли? Наша работа по хвостам бить, а не упреждать. Это вы на меня уже леклерковское дерьмо наваливаете...

– Ишь как ты за-го-во-рил! – с расстановкой произнес Левин, поднимаясь из-за стола. – Ишь как ты заговорил, а? Оперился, птенчик?!

– Прошу прощения, погорячился. Исправлюсь, – сбавил тон Гринберг.

Левин постоял за столом пару секунд и сдвинулся обратно в

кресло.

– Что твоя работа по хвостам бить, Гринберг, я знаю. Но где хвосты с четвертого участка? И не надо мне рассказывать про двух недоумков, которые просто разбили аппарат вдребезги, а потом еще сами ввязались с вами в перестрелку. Ты мне покажи тех профессионалов, которые ювелирно положили машинку на воду и аккуратно вытащили фоноскоп. Вот кто мне нужен!

– Они ускользнули, сэр. Возможно, отсиделись в кустах, пока мы не улетели.

– Ну так надо было задержаться!

– Как задержаться, сэр, если у нас нормированное применение? Прилетели, высадились, кокнули – нашли не нашли, пора сматываться, потому что в другом месте начинается настоящая война, как сегодня. У нас, между прочим, пробоина в днище и один раненый.

– А кто раненый?

– Рядовой Флинт.

– Рядовой Флинт? Так ты же сам говорил, будто мимо него пролетают?

– Это не я говорил, сэр, это солдаты трепали. Но, видимо, ошибались.

Они помолчали, потом Левин переложил на столе какие-то бумаги и сказал:

– Вот так бегаешь-бегаешь, а потом бац... В общем так, Гринберг, сделай соответствующие выводы и давай исправ-

ляйся. Ты у нас не новичок и знаешь что почем.

– Так точно, сэр, – с готовностью согласился Гринберг и встал со стула.

– И еще один вопрос к тебе...

– Слушаю, сэр.

– Сам-то я не любитель, но... один знакомый интересовался. Ты ведь к Паскеру вроде ездишь?

– Сейчас редко, сэр, работы много. Домой едва добираюсь и сразу спать.

– Понятно. Но там что, по-прежнему играют?

– Так точно, сэр.

– Трикс, покер?

– Сейчас только покер.

– По-большому?

– В понедельник доходило до пятисот. В среду было всего триста пятьдесят – народу собралось мало и в основном какая-то шушера. А вот вчера образовался банчик из двух тысяч трехсот лир...

– Неплохо! И кто его взял?

– Один мой знакомый...

– Ну спасибо, свободен. Зови Леклерка... Будет спрашивать, скажи, что я тебя побил.

Когда автоматическая дверь открылась в следующий раз, на пороге показался слегка смущенный капитан Леклерк. Гринберг наговорил ему всяких ужасов и заверил, что Левин его уроет.

– Лучше не ходи, приятель! Прямо сейчас хватай кассу и в бега, – посоветовал коллега, но Леклерк в бега не подался. На этой службе он был далеко не новичком и уже знал что почем.

– Разрешите войти, сэр? – спросил он, испытующе глядя на майора.

– Входи, Леклерк. А то тебя в другой раз и не поймаешь, хотя вопросы к тебе уже возникли не только у меня, но и...

Левин сделал многозначительный жест, показывая пальцем вверх, и Леклерк немного струхнул. Совсем немножечко, но все же.

– Садись, Леклерк. Впереди у нас тяжелый разговор...

«Страшает», – решил капитан, а Левин взял из баночки какую-то капсулу, забросил в рот и, страдальчески скривившись, запил минеральной водой.

«Или не страшает?» – засомневался Леклерк, чувствуя ползущий по спине неприятный холодок.

– Что-то в последнее время, а точнее, всегда, я не вижу результатов твоей работы, капитан.

– Это не совсем так, сэр. Результаты имеются.

– Какие? – уточнил Левин.

– Многообещающие, сэр.

– Приведи пример, Леклерк, и не нужно корчить из себя дурака, все медицинские заключения по тебе имеются в личном деле.

– Сэр, ну что тут говорить? Второй участок зачистили, на шестом дела идут вовсю. Дилера вычислили, выслали к нему специалистов.

– Кто поехал?

– Кульчицкий и Шоу, – сказал Леклерк и напрягся, ожидая бури.

– Постой, мы же их уволили! – удивился Левин.

– Мы... собирались их уволить, сэр, но потом передумали...

– Кто передумал, Леклерк?! – взорвался Левин, краснея лицом. – Я же сказал – уволить! Кто сказал – не уволить?! Ты сказал?!

– Нет, сэр, не я это сказал. Это сказали обстоятельства, в которых мы оказались.

– Кто «мы»?

– Сектор расследований и розыска...

– Поподробнее, пожалуйста, капитан Леклерк, а то за воротами окажутся не только эти придурки, Шоу и Кульчицкий, но и вы, ваше сиятельство!

– Извольте, – развел руками Леклерк, как бы говоря – ты

сам напросился. – У нас в районе было пять оперативных групп. Потом кому-то показалось, что для восемнадцатого района пять групп слишком много. Одну откомандировали в помощь двадцатому району...

– У них там сложная ситуация!

– А я что, спорю? Ситуацию сложная, им откомандировали группу. Еще одну группу пристегнули к команде внутреннего расследования – в корпорации борются с коррупцией.

– Это важная тема, Леклерк! Мздоимцы – пятая колонна на здоровом теле корпорации!

– А я что, спорю? Тема важная, на нее пристегнули еще одну группу. А тут навалились второй участок, шестой и теперь четвертый. И вы еще стали требовать уволить Шоу и Кульчицкого! Ну что мне делать? С кем мне работать и давать результаты?

– Проси усиления!

– Я просил!

– Когда ты просил?

– В прошлый четверг, сэр, я просил у вас усиления, говорил, что мы не справляемся...

– Да? А я что ответил?

Леклерк вздохнул и покачал головой.

– Вам, сэр, дословно воспроизвести?

– Ах, четверг! – хлопнул себя по лбу майор Левин. – Да-да, помню... То есть совсем не помню, но это неважно.

Он посидел, собираясь с мыслями. Леклерк совсем его за-

путал. А четверг – да, он его почти не помнил. И четверг, и вечер среды в особенности.

– Итак, ты хочешь сказать, что у нас некому работать?

– Некому, сэр. Поэтому я был вынужден задержать увольнение Шоу и Кульчицкого.

– Так, – произнес Левин. – А ты им об этом сообщил? О моем решении?

– Нет, сэр, как можно, они же и так не пайньки, а если сказать: «Доделывайте работу и убирайтесь вон»...

– Я понимаю. Не сказал – и правильно, что не сказал. Собственно, что мы против них имеем? Они обгадились в Ривенсе, подстрелили не того парня. Они подставили весь наш отдел, когда подожгли в Обенсе здание полицейского управления. Зато...

Левин повертел в воздухе пальцем, подыскивая подходящее «зато».

– Зато они хорошо работают на шестом участке, – пришел ему на помощь Леклерк. – Две бригады стрелков-добытчиков отправлены в нашу военную тюрьму в Ловенбрее. Трое из них в тюремном госпитале. Сейчас разберутся с дилером, и шестой участок можно оставить в покое.

– Да и раньше они вроде справлялись, правильно?

– Справлялись, сэр.

– Тогда пусть быстрее доделывают работу в шестом и отправляются на четвертый участок. Там потеряны два беспилотника за последние два дня.

– Ужас какой, – покачал головой Леклерк, предчувствуя горячие денечки.

– Не то слово. Ладно, иди работай. Как поставишь этих двоих на четвертый участок, доложишь мне.

– Слушаюсь, сэр.

Огромная муха в который раз бросилась на штурм оконного стекла, ударилась в него, словно птица, и, потеряв сознание, рухнула вниз, попав на лицо спящего человека.

Тот вздрогнул, открыл глаза и с минуту смотрел перед собой, прежде чем моргнул и начал двигать зрачками.

Наткнувшись взглядом на батарею пустых бутылок на столе, он все понял и, прикрыв веки, в который раз пожалел о выпитом накануне.

«Но ведь не мальчик же... Ну можно же было чуть-чуть поменьше...»

Зная по опыту, что лежать бессмысленно и легче от этого не станет, Рем Кульчицкий сел на кровати и стал привыкать к такому положению, стараясь не замечать постоянного гула, которым, казалось, был наполнен весь мир.

Приглядевшись к пустой посуде, он заметил, что в одном стакане что-то еще оставалось, хотя то, что пили накануне вечером, утром могло оказаться совсем не пищевой жидкостью. Такое у них с Фредом случалось.

Однажды это была огнегасящая жидкость, а в другой раз...

Другой раз Рем вспомнить не смог, поскольку часть его мозгов пока не работала. Однако встать все же следовало, чтобы выпить и хоть немного поправиться.

Собравшись с силами, он сделал несколько шагов по открытому пространству и опустился на стул возле стола, откуда обследовать вчерашнее побоище было удобнее.

Вот он, драгоценный по утренним меркам, стакан. Рем понюхал его содержимое, но после вчерашнего запахов не различал. Тогда он помочил в стакане палец и мазнул им по языку.

Да, это было горячее, в котором он так нуждался, и Рем проглотил его не задумываясь. Он собирался посидеть с закрытыми глазами, чтобы почувствовать действие лекарства, после чего можно было возвращаться к нормальной жизни, но в этот раз ему помешал стук в дверь.

Сначала осторожно-деликатный, через полминуты более настойчивый, а спустя пять минут на дверь обрушились все-сокрушающая буря, ураганный шквал и град ударов впере-мешку с ругательствами на двух языках.

– Э, ну ты чего, не можешь открыть, что ли? – прохрипел появившийся в дверях ванной Фред и, громко икнув, пошел открывать.

«Ничего в этих краях не делается как надо», – горестно подумал Рем, отстраненно глядя на кривлявшегося перед ним гостиничного владельца и понимая, что при таком шуме должной пользы от выпитого не будет.

– Чего? – спросил он, включая звук.

– Это я вас спрашиваю, во сколько у нас расчетный час, а? В двенадцать ноль-ноль! А сейчас десять минут второго!

Если собираетесь продлять номер, надо звонить дежурному и сообщить об этом, если нет – платите за сутки и выметайтесь!

– Нет, продлять мы не будем, – заторможенно произнес Фред. – Или будем, Рем?

– Мы вообще-то должны были свинтить отсюда еще утром, – напомнил Рем, понемногу начавший соображать. – А ты, джентельмен, не ори и принеси пожрать, мы без завтрака из номера не выходим. Это наш принцип.

– Завтрак стоит пять лир! – отчеканил хозяин.

– Приличный? – уточнил Фред, лицо которого после вчерашнего было похоже на перезрелый баклажан. – Мы любим, чтобэ... Чтобэ икорка, гренки, маслице... И сладенького, Рем любит пирожные. Рем, ты какие любишь?

– С кунжутным кремом, – произнес Рем и поморщился: его начинало тошнить.

– Вы назаказывали на целых восемь лир! – заметил хозяин.

– Неси, – махнул рукой Фред, и хозяин ушел. Такой расклад его вполне устраивал.

Тем временем, не найдя чем опохмелиться, Фред начал вытряхивать в стакан капли из всех бутылок, а из некоторых даже по два раза. Набрав совсем немного, он разбавил это водой из-под крана и выпил. Затем занял возле стола место Рема и сидел не шелохнувшись, пока напарник принимал душ.

Принимая водные процедуры, Рем быстро приходил в се-

бя. Он любил воду с детства – в реке, в озере, из-под крана, в супе и пиве. Но иногда воды в нем становилось слишком много, и тогда...

Вытершись полотенцем, он посмотрел в зеркало на свое порозовевшее лицо и улыбнулся. Дела как будто шли на лад, он уже начинал различать запахи шампуня, мыла и дезинфектора, которым в номерах мыли пол.

Освеженный и бодрый, он вышел в коридор и увидел на-текшую из шкафа подозрительную лужу.

Неприятная догадка поразила Рема. Он открыл дверь платяного шкафа и понял, что *это* с ним снова случилось. А с другой стороны, как тут разобраться, налево дверь в туалет, направо – в платяной шкаф. Понаделают дурацких номеров, а ты потом пей в них и, будь добр, не ошибись. Ну так дайте нормальную планировку, чтобы никто не ошибался!

– Ты чего такой насупленный? – спросил Фред, дождавшийся эффекта от слабого коктейля.

– Мы на работу опаздываем.

– Да ладно тебе, работа, она не волк. Пойду и я помоюсь.

Фред ушел, а Рем достал из чемодана свежую сорочку и новый синий галстук. Сегодня у них с Фредом последний аккорд, а потом положенные пять суток отдыха. Почти отпуск! Только маленький.

В сопровождении официанта с тележкой в номер вернулся хозяин. В ванной, под душем, запел Фред.

Увидев, в каком состоянии стол, официант заметно уди-

вился, но не произнес ни слова и стал перегружать эту по-
мойку на нижнюю полку столика. Затем вдвоем с хозяином
они сменили скатерть и начали расставлять тарелки.

Когда сервировка была закончена, официант ушел, а хо-
зяин остался.

– Что еще вам угодно? – спросил он.

– Ничего, можете идти. Когда позавтракаем, мы спустим-
ся и за все расплатимся.

– И все же я хотел бы проверить номер перед вашим ухо-
дом.

– Ну, мы вас потом позовем, и проверите.

– Я проверю сейчас...

Рем вздохнул. В прошлом году в Понсвилле Фред под-
стрелил точно такого же парня.

Дверь ванной распахнулась, и, не прекращая песни, из нее
выскочил голый и красный, как рак, Фред. Он тоже любил
воду, но очень горячую.

Убежав в другую комнату, Фред вскоре вернулся в халате
и, сев за стол, пододвинул к себе гренки.

Рем начал разливать кофе, одновременно следя за хозяи-
ном, который обошел стол и с видом бывалой полицейской
собаки двинулся по коридору.

Рем вздохнул, он знал, что скоро все откроется.

– Что это такое! – закричал хозяин, тыча пальцем в рас-
пахнутый шкаф.

– Да нассали там, – не поворачиваясь, сказал Фред. – До

нас еще было...

– Что значит до вас, если я лично проверял этот номер, и все было в порядке! Вы кто, люди или свиньи?

– Ну нассали разок, подумаешь, делов-то, – стал выручать товарища Фред. – Плюс пять лир к счету, и все дела.

– Плюс десять! Я настаиваю!.. – закричал хозяин.

– Ладно, – глухо произнес Рем. – Десять так десять. Только уйди отсюда и дай поесть...

– Нет! При сложившихся обстоятельствах я уйти не могу! Покажите мне деньги, господа, покажите деньги, или я вызову полицию!

Фред посмотрел на хозяина долгим взглядом, и Рему подумалось, что напарник вспомнил того парня из Понсвилля.

– Ладно, отдам я ему эти деньги, чтобы пожрать дал...

Рем встал из-за стола, подошел к висевшему на стуле пиджаку и, сунув руку в карман, не нашел там своей заначки. Проверив карманы брюк, он вывернул их и вопросительно посмотрел на Фреда.

– Может, в чемодан сунул? – предположил тот.

Рем бросил чемодан на смятую постель и, открыв его, быстро пробежался пальцами по верхнему слою вещей. Между тем хозяин гостиницы встал рядом, чтобы видеть все собственными глазами – ему начинало казаться, что эти жулики пытаются его обмануть.

Не найдя заначки в вещах, Рем приподнял дно, и хозяин гостиницы увидел с десятков пистолетов разного калибра и

вида, аккуратно пристегнутых специальными ремешками.

Отдельно в ножнах лежали несколько ножей и выкидных стилетов, а также потерянная Ремом записка – четыре сотни лир мелкими купюрами.

– Ага, вот они! – обрадовался он и, закрыв чемодан, повернулся к побледневшему хозяину. – Ну, говори, сколько мы тебе задолжали...

Но хозяин вдруг замотал головой и попятился. Затем на лице его появилась глуповатая улыбка.

– А знаете, господа, какая у нас произошла оказия? Я только что вспомнил, что вы наши миллионные посетители! Причем – оба! – восторженно прокричал он.

– И что? – не понял Рем.

– А то, что миллионным посетителям все бесплатно и вы нам ничего не должны...

Фред и Рем переглянулись. Они еще не поняли причины столь быстрой перемены, но она их устраивала.

– Что ж, приятель, тогда пусть нам принесут еще торт и сладкого вина. Маленькую бутылочку.

– Да хоть две! – воскликнул хозяин и рванулся к двери. – Я сам принесу!

– Все, что ни делается, все к лучшему, – заметил Фред, откусывая разом половину тоста. Потом запил его кофе и, прожевав, добавил: – Пойду оденусь и возьму пистолет, а то как-то быстро он выскочил.

Вскоре хозяин вернулся с тортом и бутылкой красного

«парли».

– Вот, как и обещал! – произнес он, торжественно водружая на стол торт и булку вина.

– М-м-м, как это вовремя... – произнес появившийся Фред, уже одетый и с пистолетом, который пока торчал за ремнем на поясице.

Продолжая нервно улыбаться, хозяин выпил вместе с гостями, а потом они даже разговорились.

– Вы впервые в нашем городе? – спросил владелец гостиницы, поглядывая то на одного, то на другого постояльца.

– Впервые, – кивнул Рем. – Но нам здесь уже нравится.

– У нас замечательный город, не слишком большой, но уютный.

– Уютный, самое верное слово, – согласился Фред, расправляясь с тортом под вино и кофе.

– А задержитесь у нас надолго?

– Как дела подделаем, так и уедем, – сказал Рем, больше налегая на кофе.

– А какие, простите за любопытство, у вас дела? Может, я могу подсказать чего?

– Ну что же, – сказал Фред, и они с Ремом переглянулись. – Может, и подскажете. Вам знаком Луи Бланкер?

– Да, конечно. Очень уважаемый в нашем городе человек.

– А где он сейчас может быть?

– Не знаю, но полчаса назад он обедал в нашем ресторане.

– У вас есть ресторан? – удивился Рем.

– Ну ты что, мы же вчера там начинали, – напомнил Фред, а Рем только пожал плечами, никакого ресторана он не помнил.

Фред вытер салфеткой рот и поднялся. Хозяин поднялся тоже.

– Спасибо вам, мистер...

– Шрайбер! Поль Шрайбер к вашим услугам! – представился владелец гостиницы.

– Вы спрашивали, что у нас тут за дела, в вашем городе...

– Но если это секрет, я не претендую на то, чтобы...

– Нет, это не секрет. Мы с приятелем приехали убить этого самого Луи Бланкера...

– Вы... шутите? – едва слышно прошелестел Шрайбер.

– Ничуть. Всего хорошего, мистер Шрайбер. До свидания.

– До свидания, господа! До свидания! – начал кланяться хозяин, быстро отступая к двери, затем выскользнул, словно уж, и понесся по коридору.

– Ну и что ты сделал, придурок? – спросил Рем, одним глотком допивая кофе.

– Я завербовал его, Рем, – сообщил Фред и направился в свою комнату собирать чемодан.

– Поясни и перестань улыбаться!

– Поясняю! – донеслось из комнаты. – Он сделает за нас всю работу!

– Так уж и всю...

– Половину – наверняка. Сейчас дилер, отобедав, поехал подремать или посмотреть свои торговые точки, что где скупил украденного.

– В том числе фоноскопы...

– В том числе фоноскопы. Шрайбер ему звякнет, тот подорвется и помчится куда, мистер Кульчицкий?

– Домой за аварийным чемоданчиком.

– Правильно. Схватит свои алмазики-денежки и скорее валить из городка – он ведь маленький, и его тут запросто сцапать могут.

– Рванет в Ловенбрей, – предположил Рем.

– Больше некуда, – согласился Фред, появляясь с чемоданом. – Правда, у него есть домик в холмах, но о нем все знают. Значит, рванет по единственной дороге на Ловенбрей.

– А там его будем ждать мы...

– Верно подмечено. Вот только вопрос, поедет ли он на своей машине или возьмет какую попроще, неброскую?

– А какая у него машина?

– Красный «Лорджет»...

– Был бы поумнее, поехал бы на «Импале». Но он попрется на «Лорджете».

Они вышли из номера, спустились в лифте на первый этаж, с деланным равнодушием прошли до выхода, но, кроме перепуганного дежурного, никаких других изменений в вестибюле не заметили.

Их машина нашлась на стоянке, в ее баке оставалось горючее, которого должно было хватить на все запланированные на этот день подвиги.

Забросив чемоданы на заднее сиденье, напарники сели, Рем завел мотор и вывел машину на проезжую часть.

– Разворот через бульвар, – подсказал Фред.

– Я помню.

– Ни хрена ты не помнишь. Ты даже не помнишь, что пить мы начинали в ресторане. Так нажрался, что сразу отрубился.

– Ну и ты бы отрубился...

– А кто бы тогда работал?

– И много ты наработал? – огрызнулся Рем, обгоняя чадающий масляным движком мини-вэн.

– Много не много, но выяснил, где он живет, на чем ездит и массу других важных деталей...

– Фотография есть? – после паузы спросил Рем.

– Пожалуйста, – сказал Фред, демонстрируя не слишком свежее фото.

– Их всех как будто один папа делал.

– Что есть, то есть, но нам это даже на руку.

Подойдя к стальным воротам, Джек постучал в них кулаком, но они от такой малости даже не загудели. Тогда он огляделся и, подобрав небольшой булыжник, постучал так, что эхо унеслось к холмам и вернулось обратно.

– Кто там? – крикнул Ферлин, выходя на крыльцо. – Джек, ты, что ли?

– А ты кого-то еще ждал? – беззлобно огрызнулся младший компаньон.

Вскоре в воротах щелкнули тяжелые замки – и одна из створок приоткрылась.

– У тебя что, часы сломались? – с усмешкой поинтересовался Ферлин, пропуская Джека, а затем снова запирая ворота.

– Почему это? – спросил тот, с интересом осматриваясь во дворе.

– Сейчас только семь утра, а мы договорились встретиться в восемь...

– Час туда, час сюда, не так важно. Ты журнал нашел?

– Нашел.

– Неси.

– А в дом не пойдешь?

– Нет, я пока на твое железо посмотрю, вон сколько ты его натаскал, – заметил Джек и покачал головой. Здесь было

несколько остовов бензиновых автомобилей, две пострадавшие в далеких войнах гусеничные машины, металлорежущие станки с обрезанными кабелями, несколько холодильных шкафов и еще много всяких вещей, о назначении некоторых Джек мог только догадываться.

Ферлин ушел в дом и вскоре вернулся с пластиковой папкой, в которой лежал долгожданный журнал.

– О, курица! – воскликнул Джек и, выхватив журнал из папки, начал его лихорадочно перелистывать, пока не наткнулся на птицу своей мечты. Она стояла с гордо поднятой головой, украшенной красным гребнем. Курица была белой, а значит, ее мясо, по мнению Джека, тоже было белым. Текста на картинке оказалось немного, только одна фраза: «Куриные супы «Глицерия», но эта фраза прозвучала для Джека волшебной музыкой.

Но еще больше, чем упоминание о курице, его поразила обыденность этой ситуации, когда где-то кто-то вынужден был рекламировать супы из курицы, в то время как в Нуре, Джек был в этом уверен, за такими супами выстраивались бы километровые очереди.

Насмотревшись на курицу вдоволь, Джек пролистал журнал, но ничего сравнимого с курицей не обнаружил и пошел в дом, представлявший собой три подновленных сектора от корпуса большого десантного самолета.

Эти секторы мокли в болоте за деревней много лет, и никто не находил им применения, уж очень они были большие.

Но вот вернулся с войны Ферлин. Он разобрал оставшуюся от родителей жестяную хибарку и нанял подъемный кран с тягачом. Те прибыли из самого Нура, вытащили секторы из болота и привезли к Ферлину на хутор. Потом поставили, состыковали и уехали, а Ферлин еще целых три месяца зашивал торцы, поскольку без них его дом был всего лишь куском огромной дюралевой трубы.

То, чего боялись другие – огромного размера секторов, которые нельзя было протопить, Ферлин обернул себе на пользу. После появления торцевых стен он поставил на столбы крепкий потолок и получил второй этаж, который не нужно было отапливать и в котором он устроил себе хранилище и огромную мастерскую.

– Может, съешь чего-нибудь? – спросил Ферлин, когда Джек оказался в доме.

– А что у тебя есть?

– Мясо...

– Фу! – Джек поморщился. – Я на это мясо уже смотреть не могу.

– Ну извини, курицы у меня нет, – развел руками Ферлин и встал из-за стола. – Пожалуй, надо собираться. Раз уж ты пришел, не будем тянуть время.

– Правильно. Пока дотопаем до деревни, пока телегу возьмем...

– Какую телегу?

– А ты до Нура пешком идти собрался или сам пони об-

завелся?

– Мне нет нужды заводить пони, имеется кое-что получше... – с многозначительной интонацией произнес Ферлин и стал надевать куртку, но Джек не придал его словам значения.

– Ты постепенно такой забор отгрохал, что у тебя просто крепость какая-то образовалась, – заметил он, поглядывая в окно.

– Мой дом – моя крепость. К тому же железа кругом навалом, никто его не собирает и не перерабатывает.

– А как его перерабатывать?

– Обычно его собирают, плавят и делают разные полезные вещи.

– Наверное, у нас никому эти полезные вещи не нужны.

– Просто здесь запустение и никакой экономики... Вот и занимаемся мы натуральным хозяйством, – подвел итог Ферлин, взвешивая в руках мешок с дорогим трофеем.

– Как хоть эта штука называется? – спросил Джек.

– Фоноскоп.

– Фоноскоп, – повторил Джек и покачал головой. Слово было вполне себе солидное. – А зачем пистолет берешь?

– Это револьвер, а не пистолет, – сказал Ферлин, прокручивая барабан. – А беру потому, что вещь у нас с собой ценная, а как деньги получим, и подавно ушки на макушке держать нужно.

– Думаешь, украдут?

– Нет, дружок, это вряд ли, а вот ограбить могут. Ну, идем на воздух.

Пока они были в доме, на улице стало светлее и заметно потеплело.

– Погода за нас, приятель! – сказал Ферлин и направился к большому жестяному сараю, ворота которого были перепоясаны двумя посаженными на замки железными полосами.

Недолго с ними повозившись, Ферлин открыл ворота и скрылся в темноте сарая, в то время как Джек притоптывал от нетерпения. Он только сейчас понял, что Ферлин не блефовал и у него действительно заготовлен сюрприз.

В темноте сарая вспыхнули два ярких прожектора, а затем во двор выкатился большой автомобиль.

– Ура, Ферлин, ты его сделал! – закричал Джек и бросился к машине, чтобы лучше ее рассмотреть.

Пока у нее не было кабины, только жестяные борта и скамейка с матрасом из водорослей, но кузов стоял на месте и имел стальной навес для защиты химических картриджей, которых на такую махину требовалось килограммов двести.

– Это еще не бензиновая? – на всякий случай спросил Джек.

– Нет, приятель, – покачал головой Ферлин, спускаясь на землю. – Для бензиновой пока не хватает деталей. Кое-что я уже восстановил, но мало. Поэтому пока будем кататься на электрическом моторе и картриджах.

– Из чего же ты ее сделал? – спросил Джек, обходя автомобиль вокруг.

– Это был военный вездеход на трех осях. Я оставил привод только на переднюю, а другие отключил, чтобы мощность не жрала.

– Понятно, – кивнул Джек, хотя про мощность не понял.

– Было шесть колес, теперь четыре.

– А почему разные?

– Какие нашлись, – пожал плечами Ферлин. – Главное, что она ездит.

– Ну тогда поехали?

– Поехали. Забирайся наверх, а я пока ворота открою.

Спустя минуту они уже катили по еле приметной колее, и встречный ветер трепал их волосы.

Джек был в восторге, ведь это была только третья его поездка на настоящем автомобиле, при том, что две предыдущие он совершил еще в детстве и мало что о них помнил.

На песчаных участках Ферлин не боялся выжимать из мотора все возможное, и тогда Джеку становилось страшно. Он пригибался к защитному бортику, вызывая безудержный смех своего компаньона.

Мимо деревни они проскочили на виду у нескольких местных зевак, и тут Джек сидел подбоченившись, хотя на попадавшихся булыжниках скамейка так давала ему под зад, что лязгали зубы.

– Это тебе не гражданский автомобиль! – пояснил ему

Ферлин после очередного подскока. – Это вездеход, быстро ездить он не приспособлен...

На подъеме, начинавшемся сразу за свалкой, машина стала «уставать» – у нее кончился картридж. Джек ожидал, что Ферлин остановится и сменит его, как это делали многие другие водители, однако тот лишь щелкнул каким-то торчавшим из жестяной коробочки гвоздиком, и машина снова подхватила, побежав в гору быстрее прежнего.

– А картридж, Ферлин? Его не нужно поменять?

– Я только что поменял его, Джек, прямо на твоих глазах! – ответил компаньон с улыбкой.

– Вот этими гвоздиками? – уточнил Джек, придерживаясь за лавку.

– Это тумблеры! Я сделал несколько гнезд подключения картриджей, их теперь у меня пять, понял? Не выбираясь из кабины, я могу переключать мотор на новый картридж, а гнездо с отыгравшим – отключать...

– Здорово как, Ферлин! – поразился Джек и пропустил еще один ухаб.

– Скоро я поставлю двигатель на раму с амортизаторами, вот тогда у нас будет не езда, а министерская прогулка! – пообещал Ферлин и на очередной пустоши снова пустил автомобиль на полный ход.

Всего через полчаса с небольшим они проскочили всю дорогу до Нура, и вскоре Ферлин уже заводил машину во двор знакомого ему горожанина, которому иногда чинил всякую

утварь.

Знакомого звали Майк, и у него была большая семья. Едва машина заехала во двор, из дома выбежала целая куча ребятшек, которые стали карабкаться на невиданный прежде автомобиль.

– Привет, Ферлин! – произнес Майк, выходя вслед за всей оравой и пожимая гостю руку. – А это твой родственник?

– Нет. Это Джек, мой сосед и компаньон.

– В устах Ферлина это лучшая рекомендация, Джек! – сказал Майк, пожимая руку «компаньону».

– Мы тут ненадолго отойдем, Майк, а ты присмотри, чтобы детишки не поранились. Если что-то нужно починить, оставь в кузове...

– Хорошо. Я положу радиоприемник, что-то он шипеть стал в последнее время...

– Положи. Только смотри, чтобы твои бандиты его до меня не раскурочили. Кстати, их стало больше, чем в прошлый раз, или мне кажется?

– О да, и намного! Сестра ненадолго приехала в Нур, а у нее своих четверо...

– Понятно, а то уж я подумал, что этот процесс у тебя вышел из-под контроля...

Майк с Ферлином рассмеялись, а Джек только вежливо улыбнулся. Он не понял, в чем шутка.

Через пару минут компаньоны уже шагали по улицам Ну-ра, и Джек не переставал оглядываться на витрины магазинов и проезжавшие мимо автомобили, которые в сравнении с монстром Ферлина выглядели верхом роскоши и совершенства дизайна.

– Далеко нам идти?

– Минут двадцать протопаем...

– Далеко.

– Ближе такую машину не пристроить, в городе мало места.

– Да, – согласился Джек. – В городе люди живут тесно. Хотя, я слышал, у многих тут имеется горячая вода.

– Не у многих, а только у зажиточных. У тех, кому по карману платить за дополнительный хворост или даже за уголь.

– Уголь слишком дорогой, – покачал головой Джек.

– Нет, здесь уголь и хворост примерно в одну цену.

Мимо прошли две девушки. Они были в каких-то одеждах, виденных Джеком только в журнале. В изящных туфельках с небольшим каблучком и легких развевающихся на ветру плащах. Одна в желтом, другая в зеленом.

– Что, красивые штучки? – усмехнулся Ферлин.

– Мне понравились их наряды. А то у нас деревенские девчонки ходят в военной одежде. Издалека и не поймешь, кто

там в коричневом мешке идет, мужчина или женщина, а тут все понятно.

Они прошли мимо булочной, из которой так вкусно пахло, что Ферлин зашел в нее и вернулся с тонким ломтем еще теплого пшеничного хлеба.

– Это мне?! – не поверил Джек.

– Тебе, приятель. Хоть попробуй, какой он на вкус, настоящий хлеб.

– Мать говорит, что наш хлеб – это картошка... – сказал Джек, на ходу откусывая от ломтя маленькие кусочки.

– Настоящую картошку тебе тоже следовало бы попробовать.

– Однажды я пробовал, но мне не понравилось. Слишком соленая.

– Что это была за картошка? Просто вареная или пюре?

– Чипсы, – сказал Джек, и это снова вызвало улыбку Ферлина.

Они перешли улицу со светофором, которому Джек также уделил немало внимания, потом миновали небольшой парк, а затем Ферлин махнул рукой в сторону невысокого здания и сказал:

– Вот там, на первом этаже, тебя караулит твоя мечта.

Джек посмотрел в ту сторону и узнал здание, а также вывеску «Городской вербовочный пункт г. Нура».

Он уже видел его полгода назад, когда приезжал в Нур с матерью.

– Ну что, не хочешь зайти?

– А смысл? Нужно же как-то подготовиться...

– Зайди и узнай, какие требуются специалисты. Тогда хоть определишься, светит тебе что-то или нет.

– А вдруг не светит?

– Это тоже хорошо, будет определенность.

– Нет, лучше в следующий раз, – отказался Джек, подавившись вдруг непонятной робости.

Они прошли через центр города и вскоре углубились в пустынные переулки, носившие следы беспорядочной и бессистемной перестройки. Брошенные прежними жильцами квартиры захватывались пришедшими с окраин, которые по-своему их перестраивали, что-то разрушали, что-то добавляли, в результате создавая новый архитектурный стиль прогрессирующих развалин.

Публика на этих улицах попадалась соответствующая, никуда не спешащие юнцы, слишком раскрашенные девицы, сочетавшие военные куртки с цветастыми юбками.

Люди постарше были заняты делом, катили куда-то тележки с хворостом, тащили мешки с тряпьем. На обочинах попадались уличные кафе на два-три столика с жестяными печками, на которых готовились крахмальные лепешки.

– Вон там, где зеленая вывеска, – сказал Ферлин, кивая на непонятное заведение, расположенное на первом этаже четырехэтажного дома и носившее название «Швейное предприятие Лимма Торквиста».

Напротив швейного предприятия стояла повозка с упряжью для пони, но самого пони давно не было, лишь немного его навоза да грязь на колесах.

– Когда войдем, останься возле двери и стой у стенки спокойно, ни на что не реагируй. Мне придется немного потор-

говаться, пошуметь, но это нормально.

– Хорошо, Ферлин, я буду стоять тихо.

– Вот и славно, – сказал Ферлин и, войдя в заведение, сразу направился к прилавку, за которым сидел давно не брившийся человек в пиджаке с засаленными рукавами, надетом поверх солдатского пуловера. На его носу косо сидела металлическая оправа от очков. Она была без стекол, но это, судя по всему, его не смущало.

– Привет, – сказал Ферлин, ставя на прилавок мешок с трофеем.

Человек за прилавком никак не отреагировал, продолжая перелистывать какие-то бумажки, а Джек стоял возле двери, как велел ему Ферлин, и рассматривал пол из ноздреватого бетона. Он был готов к громким спорам, ведь компаньон предупредил его, однако все здесь выглядело так, будто они ошиблись адресом.

Вскоре, видимо, и Ферлин понял, что ошибся. Он молча снял с прилавка мешок и двинулся к выходу.

– Эй, постой! – позвал его бородатый, но Ферлин, не оборачиваясь, шел к двери. Тогда бородач перемахнул через прилавок и, подскочив к Ферлину, схватил его за плечо.

– Давай, показывай, что принес...

Ферлин повернулся к приемщику, посмотрел ему в глаза, а затем так же молча вернулся к прилавку и поставил на него мешок. Тем временем бородатый занял место за столом, и расстановка сил стала той же, что и минуту назад, однако

преимущество теперь было на стороне Ферлина.

– Показывай, – повторил бородач, и Ферлин стал неторопливо развязывать мешок. Затем обнажил фольгу, в которую был завернут трофей, но и под ней оказался еще один слой из тонкого вошеного пластика, так что складывалось впечатление, что Ферлин это устройство получил прямо с завода.

Бородач был несколько удивлен этим спектаклем, им никогда не приносили узлы от беспилотников в таком хорошем состоянии. Обычно что-то было разбито, что-то поцарапано, много грязи. Ну и, конечно, трясущийся голос добытчика, выдававшего в нем перепуганного любителя.

Таких Кларк раздевал до нитки, давая им вдесятеро меньше, чем положено, и они его еще благодарили, что получили хотя бы это. Здесь же был совсем другой случай, и Кларк не знал, как поступить.

– В сборе этот фоноскоп поступает в ремонтные мастерские заказчика по цене в тридцать пять тысяч лир, – сказал Ферлин, окончательно давая понять, насколько хорошо осведомлен.

– Что же ты не отнес его в «мастерскую заказчика»? – с усмешкой произнес Кларк. – Не был уверен, что дадут тридцать пять тысяч?

– Мне до вас от дома ближе.

– Ладно, боец, учитывая, что фоноскоп выглядит прилично, я дам тебе пятьсот лир...

– А почему не больше?

– Потому что его еще нужно проверить, посмотреть, все ли в нем в порядке, и тогда...

– Ну так проверяй прямо сейчас.

– На это нужно время, – развел руками Кларк.

– Если здесь приличное заведение, а не крытый сортир, у тебя должен быть тестер. В этом случае проверка займет пять минут.

Кларк помялся, но потом вышел куда-то за занавеску и позвал:

– Бо! Принеси сюда тестер!

– А на кой тебе? – ответили ему.

– Я сказал – тащи сюда свою задницу и не забудь тестер! – заорал Кларк, а когда вернулся к прилавку, его лицо было красным от злости. – Одну минуту, приятель, сейчас все будет.

Они помолчали, ожидая, когда принесут прибор. Вскоре появился Бо с тестером и нужными проводами. За ним выглянул еще один человек – высокий и широкоплечий, со свернутым набок носом.

Он с угрюмым видом покосился на Ферлина и спросил:

– Все в порядке, Кларк?

– В порядке, Патрик. Иди, не пугай людей, у нас здесь бизнес.

Патрик ушел, а Бо начал деловито подсоединять щупы к разъемам фоноскопа. Стало понятно, что он здесь главный специалист.

Когда все было готово, он принялся переключать на тестере режимы и смотреть на показания небольшого экрана. При этом на некоторые включения фоноскоп даже отзывался, начиная вдвигать или сворачивать объектив.

– Порядок, – произнес Бо спустя пару минут и стал собирать провода с щупами. – Все? Я могу уносить мою задницу?

– Уноси, – пробубнил Кларк и вздохнул, заранее начиная страдать от жадности.

Еще раз взглянув на фоноскоп, Кларк отодвинул его чуть в сторону и поближе к себе, давая понять, что с этой добычей уже не расстанется.

– Ладно, давай пять косых, и мы в расчете, – начал наступление Ферлин.

– Что? Ты сказал – пять косых?! Пять косых?!

Казалось, глаза Кларка сейчас вылезут из орбит, но это была только игра.

– Приятель, да таких денег не сыщется во всем Нуре! Полторы – и это все, что у нас имеется. Теперь мы закроемся на месяц, пока не реализуем твое барахло!

– Полно, Кларк, – усмехнулся Ферлин, переходя на дружеский тон. – Мы оба знаем, что вы, не вкладывая в так называемую рухлядь ни лиры, получите за нее двадцать тысяч бумажек...

– Ха! Если бы! – воскликнул Кларк и горько вздохнул. Однако не слишком трагично, а это значило, что цена была где-то в пределах пятнадцати тысяч.

– Ладно, за упаковку добавлю еще пятьсот. Итого – две косых.

– Три, Кларк. И это всего лишь пятая часть того, что достанется вам...

Скупщик даже выпрямился, настороженный словами кли-

ента. Откуда тому известны такие подробности?

– Две пятьсот, и разговор окончен, – сказал он.

– По рукам, – согласился Ферлин. – Давай деньги.

Кларк сунул руку в задний карман брюк, достал толстый бумажник и быстро, словно фокусник, разложил на прилавке дорожку из сотенных банкнот. Когда он досчитал до двадцати пяти, Ферлин одним движением собрал их в стопку и сунул в карман, а затем стал пятиться к двери, держа за спиной руку с револьвером.

– Приходи к нам еще, парень, – сказал ему Кларк.

– И вам всего хорошего... – ответил Ферлин и, поравнявшись с Джеком, негромко сказал: – Выгляни за дверь.

Тот выглянул и, обернувшись, прошептал:

– У дверей никого.

– Выходи первым...

Джек выскользнул на улицу, за ним Ферлин, а следивший за ними Кларк еще мгновение смотрел на опустевший прилавок, а затем зашелся жутким криком:

– Патри-и-ик!!!

– Чего?! – выскочил к нему громила с пистолетом в руках.

– Они уносят наши деньги, Патрик! Они их уносят!

– Ах, это... – Патрик отмахнулся и убрал пистолет за пояс. – Я уже сказал ребятам, их разденут на другой улице.

– Но они должны остаться живыми, этот парень носит хорошие вещи!

– Да знаю, первый раз, что ли. Дадут разок в морду, и все

дела.

Тем временем Ферлин, оказавшись на улице, остановился и стал осматриваться.

– Ну что, Ферлин, ты не продешевил? – шепотом спросил Джек, боясь говорить громче.

– Не продешевил. Больше здесь все равно не дадут.

– А почему?

– Потому что они больше всех рискуют. Когда эти крысы разозлят корпорацию, их прямо здесь всех положат.

– Прилетят на дискораме?

– Да на чем угодно. Вот что, Джек, назад мы пойдем не по улице.

– А как? – спросил Джек, удивленно озираясь, ведь идти в город можно было лишь в одну сторону, в другой был тупик из-за осыпавшихся руин.

– Идем в развалины, – сказал Ферлин и направился в тупик, как будто желая справить нужду, тем более что, судя по запаху, это место здесь так и использовали.

Не до конца понимая, чего испугался компаньон, Джек тем не менее пошел следом за ним. Зайдя в загаженные развалины и скрывшись от посторонних глаз, они прибавили ходу. Ферлин сказал Джеку, чтобы «смотрел в оба».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.